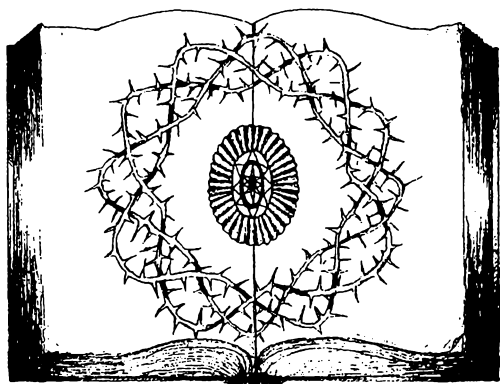


**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И УЧАСТИЕ В НЕЙ РОССИИ
(1914- 1918)**

Часть I



МОСКВА

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И УЧАСТИЕ В НЕЙ РОССИИ
(1 9 1 4 - 1 9 1 8)

Материалы научной конференции

Часть I

М о с к в а

1 9 9 4

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА "ВОЕННОЙ БЫЛИ"

№ 1 (18) - Часть I

Главный редактор **А. КРУЧИН**

Редакционная коллегия: **И. В. ГИРКИН**, **А. Б. ЕЗЕЕВ** (заместитель
главного редактора), **А. В. МАХАЛИН**, **В. Л. КУШО**

Отпечатано в количестве 300 пронумерованных экземпляров

Экз. № 095

(С) "Военная Быль", 1994

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая Мировая война (по терминологии того времени - Великая) стала одним из важнейших событий истории нашего века, открыв собою цепь мировых катастроф, войн, социальных и политических катаклизмов, коренным образом изменивших политическую карту и расстановку сил в Европе, наложивших неизгладимый отпечаток на общественное сознание, на систему идеалов и ценностей человечества. Вовлекшая в свою орбиту десятки государств и миллионы человек, эта поистине Великая война, с ее невиданными ранее масштабами, появлением на поле боя новейших технических средств (авиация, танки и др.), многие из которых вызывали ужас своей бесчеловечностью (огнеметы, ядовитые газы), - стала достойным прологом жестокого и бесчеловечного XX века. Вызванный войной экономический, социальный, духовный кризис повлек за собой крушение четырех Империй (России, Германии, Австро-Венгрии и Турции) и прокатившуюся по Европе "эпидемию революций", последствия чего мы ощущаем и по сей день.

Несмотря на столь значительную роль Великой войны в мировом историческом процессе, история ее представляется все

еще мало изученной, и в первую очередь это касается участия в войне Российской Империи. Для большинства сегодняшних россиян события Первой Мировой продолжают оставаться "белым пятном", а героическая боевая работа Российской Императорской Армии и Флота, в течение трех лет удерживавших фронт на пространствах от Балтийского до Черного и от Черного до Каспийского морей, - по-прежнему неизвестной. Для историков же Первая Мировая война и сегодня предоставляет богатейшие возможности для изысканий, исследований, анализа и осмысления произошедших событий.

Наглядным доказательством этого стал ряд конференций и "круглых столов", прошедших в Москве в связи с 80-летием со дня начала Великой войны. В организации одной из научных конференций - "Первая Мировая война и участие в ней России (1914 - 1918)" - неоценимую роль сыграла Государственная публичная Историческая библиотека России, предоставившая помещение и литературу из своих фондов. Наряду с библиотекой, организаторами конференции выступили Военно-Историческая Комиссия при ЦС ВООПИИК и московский военно-исторический журнал "Военная Быль", представляющий собой продолжение одноименного журнала, выпускавшегося русскими белоэмигрантами в Париже в 1952 - 1974 гг.

В работе конференции (5 - 6 августа 1994 г.) приняли участие как сотрудники официальных исторических структур (Государственный Исторический Музей, Институт военной истории, Российский Государственный Военно-Исторический Архив и др.), так и независимые исследователи, бескорыстно отдающие свои силы и знания изучению истории Отечества. Основная часть докладов и сообщений была посвящена непосредственно вопросам

истории Российской Армии и Флота и ходу боевых действий, что выгодно отличало настоящую конференцию от ряда других, сосредотачивавшихся на политических, дипломатических, культурологических и т. п. проблемах, нередко в ущерб собственно военно-исторической тематике.

К сожалению, не все из прозвучавших выступлений представлены на страницах настоящего сборника материалов конференции. Некоторые из докладов сейчас готовятся к печати в различных военно-исторических изданиях (доклад А. А. Васильева "Кавалерийский бой под Стояновым 2 (15) августа 1914 г." - в журнале "Цейхгауз", некоторые разделы доклада В. А. Дурова - в журнале "Военная Быль", и т. д.). Вместе с тем, предлагаемый вниманию читателя сборник дает достаточно полное представление о составе выступавших, диапазоне затронутых на конференции тем, высказанных мнениях и взглядах.

★ ★ ★

В публикуемых материалах сохранены основные особенности авторской орфографии. Все примечания и сноски, кроме специально оговоренных, принадлежат авторам публикаций.

Е. ВОРОНИН

**РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ:
НАЧАЛО И ИТОГИ**

Прежде чем говорить об усилиях русской дипломатии в канун и в ходе I мировой войны, было бы разумно и полезно попытаться определиться в двух вопросах - 1) каков был характер этой войны, а точнее, в чем же были ее причины, и 2) можно ли было ее предотвратить, или, по крайней мере, отсрочить. Из целей всех участников войны, и основных, и второстепенных, - а к 1918 г. их, участников, насчитывалось в общей сложности уже свыше тридцати, - нас прежде всего интересуют, естественно, цели России. Без ясного представления обо всем этом вряд ли будет понятна вся логика дипломатических усилий России, как, впрочем, и вся "грамматика военных действий" (Клаузевиц).

Хотелось бы сразу же обратить внимание и на соотношение роли дипломатии и военного фактора (или, говоря современным языком, военно-промышленного комплекса) в политике государств Антанты и Тройственного Союза, т.к. без понимания соотношения ролей дипломатов и военных невозможно и разобраться в том, можно ли было предотвратить войну.

Германская дипломатия была не более, чем служанкой военных, агрессивных кругов страны. Германская дипломатия - и

это вообще являлось особенностью ее традиций - всегда по своему духу и методам работы была как бы военизирована, военная идеология всегда превалировала над ее дипломатическим содержанием. Характерными ее чертами были излишняя негибкость, непризнание компромиссов и всецелое подчинение старым тевтонским идеалам. Например, германскому послу в Вене Чиршкому Кайзер Вильгельм дал указание "не лезть не в свое дело", когда посол попытался предостеречь австрийцев в отношении их скороспелых решений, направленных против Сербии. Впрочем, еще Бисмарк, по его словам, всегда боялся, что "перья дипломатов могут испортить работу солдатских сабель". Менее "милитаризованной" была австро-венгерская дипломатия, хотя ее действия в 1914 году мало чем отличались от германских.

Иным было в 1914 году соотношение между дипломатическими и военными кругами стран Антанты. Так, русская дипломатия, как в 1914 году, так и раньше, всегда исходила из предпочтительности политических, дипломатических, а не военных средств решения международных проблем. Малоизвестен факт, что решение о мобилизации Русской армии (не предмобилизационной готовности, а об объявлении самой мобилизации) принималось с согласия министра иностранных дел. Только после того, как в Главном Штабе было получено согласие МИД, Государь Николай II объявил о мобилизации. Отсюда можно сделать вывод о четкости взаимодействия между Министерством иностранных дел и Главным Штабом.

Цели, которыми руководствовались при вступлении в войну Центральные державы, общеизвестны: у Германии - гегемония в Европе и во всем мире, у Австро-Венгрии - сокрушение Сербии и превращение в своего рода протекторат всего Балканского полуострова. Россия в начале войны не имела никаких планов тер-

риториальных переделов в Европе: лишь нижнее течение реки Неман и Восточная Галиция, как считали в Петрограде в сентябре 1914 года, должны были быть присоединены к России после поражения в войне Тройственного Союза и в контексте общего передела границ в Европе; при этом Восточная Галиция должна была стать частью самостоятельного, но находящегося в тесном союзе с Россией, Польского государства. Речи о присоединении районов Дарданелл и Босфора тогда не было, тем более Россия не ставила целью расчленение Турции. Заслуга в выдвижении этой идеи всецело принадлежит британской дипломатии.

Цели основных участников войны, таким образом, были очевидны с самого ее начала. Германия уже в течение продолжительного времени делала ставку на войну, в то время, как страны Антанты, и в том числе Россия, не были к ней готовы.

Сейчас, говоря о I мировой войне, часто забывают о том, что это была война *за национальные интересы*. Именно противоречия между национальными интересами и явились основной причиной войны, независимо от того, были ли эти интересы агрессивными или, так сказать, законными, соответствующими духу и принципам международного права.

Как писал в своих воспоминаниях российский министр иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов, австрийский ультиматум Сербии сразу поставил Европу на край пропасти, от которого было очень трудно отойти иным путем, кроме войны. Но это не означает, что русская дипломатия была бездейтельна, или что развитие событий застало ее врасплох. Напротив, она, по моему мнению, сделала все, чтобы не допустить войны или хотя бы затормозить скатывание к ней. Русская дипломатия соглашалась на все условия, кроме одного, - она не могла позволить раздавить Сербию.

5 сентября 1914 г. Россия, Англия и Франция подписали соглашение об отказе от заключения сепаратного мира в течение настоящей войны - таким образом, Антанта стала военным союзом.

В ходе войны усилия русской дипломатии, как и союзников России по Антанте, были направлены на достижение следующих целей:

- 1) Обеспечение целей и задач России в войне - единство дипломатических и военных акций;
- 2) Укрепление единства стран Антанты и координация их политических и военных действий;
- 3) Привлечение к Антанте новых союзников;
- 4) Всемерное ослабление единства стран Тройственного Союза и отрыв от него Италии;
- 5) Решение вопросов о поставках вооружений и военных материалов;
- 6) Определение контуров будущего мирного договора.

На первое место в самом начале войны вышли две сугубо дипломатические задачи: привлечение новых союзников и ослабление единства Тройственного Союза, в том числе за счет вывода из него Италии. Уже 4 августа 1914 года итальянское правительство конфиденциально сообщило Сазонову, что ввиду малой надежды получить от Германии и Австро-Венгрии "желаемое", Италия могла бы вступить в обмен мнениями с Антантой на этой основе. В итоге, после согласия России на присоединение к Италии Далмации - Италия 3 мая 1915 года расторгла договор с Германией и Австро-Венгрией и 23 мая вступила в войну на стороне Антанты.

Внесла русская дипломатия вклад и в привлечение на сторону Антанты Японии. Разумеется, это присоединение было

следствием прежде всего собственных интересов Японии, стремившейся отнять у Германии ее колонии в Китае (Цзяочжоу). Однако объявление Японией войны Германии 23 августа 1914 года давало России определенные гарантии от японского нападения на русский Дальний Восток.

В то же время, попытки русской дипломатии привлечь в лагерь Антанты Турцию не удались. Антанта явно запоздала, хотя в Турции и шла борьба между двумя ориентациями. Победила германская: 2 августа 1914 года был подписан германо-турецкий союзный договор. Однако, несмотря на это, Турция сразу же опубликовала декларацию о нейтралитете, а Энвер-Паша завязал переговоры с послом России Гирсом и военным агентом генералом Леонтьевым. Но Сазонов предостерегал против этого и оказался прав.

Русские дипломаты делали все, чтобы избежать войны с Турцией. Уже 12 августа Сазонов предложил союзникам России гарантировать нейтралитет Турции и ее территориальную целостность, а также отменить режим капитуляций. Но 29 октября турецкий флот под командованием адмирала Сушона обстрелял черноморское побережье России.

Фахреддин-бей, турецкий посол, понимал опасность втягивания Турции в войну, тем более, что в Стамбуле буквально до самого момента турецкого выступления на стороне Германии продолжалась борьба (за и против) между различными политическими группировками при дворе Султана. Фахреддин-бей даже решился на своего рода подлог, в корне искажавший развитие событий в Турции, когда попытался на приеме у Сазонова доказать ему, что его визит имеет целью принести мир в отношения между двумя странами. Хотя Сазонов прекрасно понимал, что речь идет об обмане, он тем не менее выставил в качестве

российского условия требование отозвать всех немецких офицеров из Турции, что было явно невозможно...

Трудную задачу пришлось России решать и с Болгарией, которая в 1914 году была как бы ключом ко всему Балканскому комплексу проблем. Усилия стран Антанты, и прежде всего России, оказались неэффективными, и Болгария присоединилась к Германии и Австро-Венгрии, 14 октября напав на Сербию.

Более успешной оказалась деятельность нашей дипломатии в отношении Румынии, где также велась борьба различных ориентаций. Примечательно, что в случае с Румынией мнения русской дипломатии и русского военного командования разошлись. Но победили политические соображения: русская дипломатия добилась своего, и 17 августа 1916 г. было заключено соглашение держав Антанты с Румынией (Россия соглашалась на присоединение к Румынии Трансильвании). Русское командование считало, однако, что вступление Румынии в войну будет бесполезным. Так оно и оказалось впоследствии - Румынский фронт держала Русская армия.

Надо отметить, однако, что примеров такого разномыслия в крупных, стратегических вопросах было немного. Известно, что координация и взаимодействие российских посольств и русских военных представителей при штабах союзных армий было довольно тесным. На это указывает, например, в своих мемуарах генерал Игнатъев, в 1914 году бывший военным агентом при русском посольстве во Франции, тогда полковником Генерального Штаба и графом. Он не только отмечает высокую степень взаимодействия дипломатов и военных, но, судя по его переписке в Архиве внешней политики Российской Империи (Историко-архивный Департамент МИД России), и высокий уровень военных знаний посла России во Франции Алексея Петровича Извольского, одного

из талантливейших русских дипломатов. Правда, в мемуарах Игнатъев, служа большевистскому режиму, пытается рисовать образ Извольского более черными красками, упирая не на его профессиональные качества, а на такие, как внешность, манеры, недемократизм поведения и т. п. Что же, Бог ему судья, генералу Игнатъеву...

В заключение об итогах войны. Как военный, так и политический вклад России не был оценен союзными державами. В значительной степени это было связано с преступным Брест-Литовским миром 1918 года, вырвавшим Россию из Антанты и поставившим ее в положение отступницы от трехстороннего соглашения об отказе от сепаратных действий, заключенного 5 сентября 1914 г. До большевистского переворота Россия не искала сепаратного мира, и если какие-то настроения на этот счет и существовали, то не в высших эшелонах власти, как ни старалась в том убедить советская историография. Даже после Февральского переворота, т. е. при Временном правительстве, Россия не опустилась до подобных умыслов.

Говорить о каких-то практических итогах русской внешней политики к окончанию I мировой войны невозможно. Формально России не было в числе победителей, так же, как и в числе побежденных. Но как член Антанты, она сыграла значительную роль, как политическую, так и военную, в разгроме германской экспансии в начале XX века. И жаль, что союзники так быстро забыли об этом...

К. СЛЮЧЕНКО

**34-ый ПЕХОТНЫЙ СЕВСКИЙ, 35-ый ПЕХОТНЫЙ БРЯНСКИЙ
И 12-ый ДРАГУНСКИЙ СТАРОДУБОВСКИЙ ПОЛКИ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ**

(Тезисы сообщения)

К началу Первой Мировой войны пехотные 34-й Севский генерала графа Каменского и 35-й Брянский генерал-адъютанта князя Горчакова полки находились в ведении Киевского военного округа и входили в состав 9-й пехотной дивизии (генерал-лейтенант Клембовский) 10-го армейского корпуса (генерал от инфантерии Сиверс). Севцы были в 1-й бригаде (генерал-майор Лошунов), а брянцы во 2-й бригаде (генерал-майор Матвеев). Штаб 9-й пехотной дивизии был в Полтаве, там же квартировал и 34-й пехотный Севский полк. 35-й пехотный Брянский полк был расквартирован в Кременчуге.

12-й драгунский Стародубовский полк входил в состав 12-й кавалерийской дивизии (генерал-майор Каледин) и дислоцировался в г. Проскурове.

Первую Мировую войну 34-й пехотный Севский полк, как и 35-й пехотный Брянский, встретил в составе 3-й армии Западного, а затем Юго-Западного фронта. В составе 8-й армии Юго-Западного фронта вступили в войну стародубовские драгуны.

10-му армейскому корпусу летом 1914 г. пришлось вести тяжелые бои у Дунаев. 3-й армии генерала Рузского 8-я армия генерала Брусилова прислала на помощь 12-ю и 13-ю кавале-

рийские дивизии, а также 7-й корпус из Бржежаны. Эта помощь заставила 12-й австрийский корпус очистить свои укрепленные оборонительные позиции по линии р. Буга - Злочевских высот - р. Золотой Липы, где предполагалось остановить вторжение 3-й и 8-й русских армий в Галицию. Стародубовские драгуны в составе своей дивизии заняли Нараюв. Наступление австрийцев совместным ударом с севера было приостановлено у Рогатино, где стародубовцы снова проявили свое мужество. 30 августа 10-й армейский корпус на рассвете приступил к форсированию р. Гнилая Липа и овладению позицией австрийцев у Перемышлян. Выполнение операции подо Львовом было возложено на генерала Рузского. Под его началом и объединились 3-я и 8-я русские армии.

12-й драгунский Стародубовский полк в составе 8-й армии участвовал в сражении на р. Золотая Липа. К началу сражения стародубовцы находились перед фронтом 8-й армии, в районе Войтовцы. 24 августа 1914 г. они были выдвинуты для разведки в направлении Рогатин - Галич, а на следующий день - на Бржежаны, так как 8-я армия продолжала наступление на фронте Козова - Манастержиска, где к вечеру того же дня и утвердилась.

Объединенные силы 3-й и 8-й армий вторично разбили противника уже при Гнилой Липе. Сражение происходило на путях от Каменки, Буска, Глиняны ко Львову, вдоль течения р. Гнилой Липы.

С 13 по 21 сентября русские армии преследовали неприятеля. Брянцы и севцы в сентябре 1914 г. участвовали в форсировании р. Сан. 8-я армия к 24 сентября заняла район Хыров - Самбор, а 9-я - Рожняты - Ранишув - Вандегам. Маневрирование армий Юго-Западного фронта хорошо описано во второй части

"Краткого стратегического очерка войны 1914 - 1918 гг." Борисовым.

С ноября 1914 по апрель 1915 г. 35-й пехотный Брянский полк находился на участке Горлице - Сенькова. Разведчикам полка приходилось добывать различные сведения о противнике: расположение, укрепление участков и т. д. Важные сведения доставил в штаб армии прапорщик Брянского полка, бежавший из немецкого плена. (Брянцами была доставлена и схема немецкого боевого самолета в декабре 1915 г.).

Из-за многочисленных потерь личного состава в непрерывных боях с 12 апреля по 22 июня 1915 г., 34-й пехотный Севский полк был переброшен на новые позиции. Севцы участвовали и в декабрьских сражениях 1915 г. С февраля 1916 г. они занимались укреплением своих позиций, впоследствии сданных другим воинским частям. 21 - 22 июня 1916 г. 34-му пехотному Севскому полку пришлось вести тяжелые кровопролитные бои.

В апреле - мае 1916 г. сменили свои позиции и брянцы, сдав окопы и оборонительные сооружения 36-му пехотному Орловскому полку. Из оперативных приказов по Брянскому полку видно, что при нем была сформирована пулеметная команда, принимавшая активное участие в боевых действиях 13 - 14 июля 1916 г. (Пулеметная команда была и в 34-м пехотном Севском полку). К донесениям командира 35-го пехотного Брянского полка полковника Волховского в штаб армии прилагались схемы расположения брянцев в декабре 1916 - начале января 1917 г. - в районе р. Шара, а с 1 марта по 30 апреля 1917 г. - в районе "Комарово Неверы" и др.

Каково участие солдат 34-го пехотного Севского полка в Февральской революции 1917 г., еще предстоит выяснить. Конк-

ретными данными о переходе полка на сторону революции мы не располагаем, хотя известно, что попытка Царского командования вызвать из окрестностей Петрограда войска для подавления революционных действий ни к чему не привела. Командующий Петроградским военным округом генерал-адъютант Н. И. Иванов хотел сосредоточить войска в районе Царского Села и близлежащей станции Александровской. Солдаты отказывались подчиняться начальству, идти на Петроград не хотели. В частности, это относится и к бригаде Западного фронта, куда входили и севцы. Эшелоны были уведены в Вырицу.

В июне - июле 1917 г. состоялась переброска частей 35-го пехотного Брянского полка в район Молодечны, а 3 - 29 августа того же года брянцам пришлось оборонять участок у д. Истенсегите. (С августа 1917 г. закрепился на оборонительной позиции и 34-й пехотный Севский полк). Офицеры - представители Брянского полка принимали участие в заседаниях Украинской Рады. Об этом говорят сохранившиеся протоколы от 4 июля 1917 - 6 января 1918 г. В последние месяцы войны, с 26 сентября 1917 г., 35-й пехотный Брянский полк вошел в состав 8-й армии Юго-Западного фронта. Журналы военных действий полка заканчиваются 31 октября 1917 г., а приказы по полку последним днем августа того же года. Полевые книжки командиров и адъютантов полка заканчиваются 14 августа 1917 г. Больше сведений о боевых действиях брянцев в Первой Мировой в фондах Российского государственного военно-исторического архива не имеется. Не имеется сведений и о расформировании полка, хотя всегда указывалось, что он был уничтожен в 1918 г. в связи с ликвидацией частей старой армии. Следует заметить, что кадры 35-го пехотного Брянского полка, в особенности офи-

церский состав, приняли участие в гражданской войне.

В фондах РГВИА по 34-му пехотному Севскому полку сохранены книга-алфавит солдат полка за 1915 - 1916 гг., распоряжения и донесения о перемещениях по службе, приказы по полку за 1916 г., дела по хозяйственной части провиантского стола за 1915 г., рапорты и переписка по полку за январь - июнь 1916 г., а также другие строевые сведения и полевые книжки командиров и полковых адъютантов. Есть и список избирателей в Учредительное собрание 1917 г.

Из "Журнала боевых действий 12-го драгунского Стародубовского полка" видно, что полк участвовал в боевых действиях ряда армейских и конных корпусов 7-й, 8-й и 9-й армий на Юго-Западном фронте. В 1916 г. стародубовские драгуны находились в резерве и располагались под Ровно. Существующие записи в "Журнале" говорят нам лишь о маневрах, отходах, бивуаках и передвижениях полка вперед на несколько верст. В начале 1917 г. стародубовцы не догадывались, что происходило в России. О Февральской революции они узнали лишь через неделю, по получении из штаба дивизии телефонограммы об отречении от престола Николая II. После этого сообщения занятия в полку были приостановлены. А 30 марта 1917 г. в полк прибыла киевская делегация исполкома солдатских и рабочих депутатов, которая около двух часов проводила беседу с солдатами полка. Как стародубовцы восприняли этот приезд, остается только догадываться... В архивном деле имеется запись: "В 1918 г. полк расформирован. Но сведений о расформировании полка в составе документов фонда не имеется".

Из воспоминаний Вадима Шверубовича, вольноопределяющегося Стародубовского полка, нам известно, что в 1919 г. ста-

родубовские драгуны в составе вооруженных сил Юга России участвовали в походе Деникина на Москву. После срыва наступления Деникина начался развал в армии. Плохо приспособленная к обороне кавалерия несла большие потери. Например, из второго эскадрона 12-го драгунского полка осталась лишь горстка в восемь человек. При отступлении от Ростова отряд драгун составлял лишь 120 - 150 сабель. Многие полегли на поле брани. К весне 1920 г. боевая единица русской армии исчезла...

В составе вооруженных сил Юга России был создан и отдельный сводный батальон из кадров 9-й пехотной дивизии (куда входили Севский и Брянский полки). Приказом главнокомандующего ВСЮР генерал-лейтенанта Деникина за №. 2528 от 27 октября 1919 г. о сформировании батальона, он был подчинен начальнику 1-й Отдельной бригады 9-й пехотной дивизии. Батальон просуществовал до 6 апреля 1920 г., когда был расформирован (приказ главнокомандующего ВСЮР от этого числа за №. 2975).

Б. ТАТАРОВ

**ЧЕХО-СЛОВАЦКИЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ
В СОСТАВЕ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

(Тезисы сообщения)

История национальных воинских формирований в составе Русской армии, принимавших участие в Первой мировой войне, до сих пор остается весьма слабо изученной. В полной мере это касается и чехо-словацких частей.

В советской историографии, как правило, освещалось, разумеется в негативной форме, лишь участие бойцов чехо-словацких частей в антибольшевицком выступлении в 1918 г. К сожалению, и в Чехо-Словакии ученые не уделяли должного внимания этой, безусловно, интересной теме.

Перед началом Первой мировой войны в России существовало несколько общественно-просветительских чешских обществ, созданных в основном чехами-иностранноподданными. Большинство из них поддерживало идею восстановления независимого Чешского государства. После вступления России в войну представители этих обществ провели в июле 1914 г. в Киеве съезд, одним из основных решений которого было ходатайство перед правительством Российской Империи о формировании Чешской дружины. Идея получила одобрение, и формирование было поручено командованию Киевского военного округа. "Союз Чехо-Словацких обществ в

России", образованный на съезде, взял на себя обязанности по подбору личного состава. В планах Ставки Чешская дружина рассматривалась как сугубо политическая часть, которая после вторжения русских войск в Богемию должна была способствовать восстанию среди местного населения. Патриотический подъем среди чехов, а также удачи русских армий в боях с австрийскими войсками в ходе Галицийской битвы способствовали быстрому формированию дружины. Уже 18 сентября начальник Киевского военного округа докладывал в Ставку, что дружина сформирована, но указал на низкий уровень боевой подготовки дружинников. Обучение затянулось на несколько месяцев, и на фронт Чешская дружина попала в конце октября - начале ноября, успев принять участие в завершении операции по разгрому 9-й германской армии.

Через месяц дружина приняла самое активное участие в начавшейся "Карпатской операции". Чехи и словаки стойко переносили все трудности, с которыми столкнулись русские солдаты в Карпатских горах. Именно в ходе этой операции дружина из политической части постепенно начала превращаться в боевую. Корреспондент "Русских ведомостей" в книге "Чехо-Словаки в России" писал, что знание дружинниками языков, а также особенностей военного быта противника (в это время в составе дружины действовали чехи и словаки - добровольцы из числа военнопленных) превращали их в незаменимых фронтовых разведчиков. Командование Юго-Западного фронта высказалось за увеличение количества чехо-словацких частей. Но прорыв германцами в начале мая 1915 г. русского фронта в районе Горлицы и начавшееся отступление, а также острая нехватка вооружения и обмундирования надолго отодвинули решение этого вопроса.

В ходе отступления из Галиции Чешская дружина оказалась в самой гуще ожесточенных боев, так как на 3-ю армию, в состав которой она входила, германцы обрушили всю тяжесть своего удара. К моменту окончания отступления и стабилизации фронта, Чешская дружина понесла ощутимые потери: из строя был каждый десятый дружинник.

Русское командование, отмечая храбрость чехов и словаков, а также их несомненную польбу на фронте, дало разрешение на формирование 1-го Чехо-Словацкого стрелкового полка двух-батальонного состава. Так как в это время 3-я армия оказалась в составе Западного фронта, было решено один батальон оставить в составе 3-й армии, а второй отправить в распоряжение командования Юго-Западного фронта. Командиром полка был назначен подполковник Троянов, командовавший Чешской дружиной.

Несмотря на переход к позиционной войне, чехи и словаки продолжали совершать отчаянные рейды в тыл противника, добывая ценную информацию о его расположении. Особенно следует отметить их агитационную деятельность, которая находила отклик в первую очередь среди солдат и офицеров противника чешского и словацкого происхождения, большинству из которых война была чуждой, и они, поддавшись агитации, тысячами сдавались в плен.

Зимой 1915/1916 гг. два батальона были развернуты в 1-й и 2-й Чехо-Словацкие стрелковые полки, составившие Чехо-Словацкую стрелковую бригаду. Распределенная среди армий Юго-Западного фронта бригада приняла самое активное участие в "Брусиловском прорыве".

Февральская революция приостановила формирование Чехо-Словацкой дивизии. Но удачные действия бригады, прорвавшей

фронт противника под Зборовом во время неудачного "Июньского наступления" 1917 г., на фоне полного развала и деморализации большинства русских частей, вынудили Временное правительство дать сначала разрешение на формирование дивизии, а позднее и Чехо-Словацкого корпуса.

К моменту Октябрьского переворота в Киеве было сформировано две дивизии и ряд вспомогательных подразделений. Было принято решение об отправке чехов и словаков во Францию. Двухличная политика большевиков по отношению к чехам и словакам привела в 1918 г. к известному восстанию.

Таким образом, чехо-словацкие формирования оказали весьма существенную помощь России, - во-первых, наладив на Юго-Западном фронте (отчасти и на Западном) серьезную фронтовую разведку; во-вторых, успешной агитацией среди солдат и офицеров противника сильно подорвав боевую мощь, в первую очередь Австро-Венгерской армии. Наличие же на фронте чехо-словацких формирований способствовало их единению с народами России.

С. ПРИЩЕПА

ЗЕНИТНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Перед I Мировой войной зенитное дело находилось в зачаточном состоянии. Немногие энтузиасты, ратовавшие за принятие на вооружение специальных пушек для стрельбы по дирижаблям и аэропланам, как правило, не получали официальной поддержки. Так было, например, во Франции: разработку зенитного лафета и установку его на автомобиль вели артиллерийские мастерские Путо еще с 1907 года, но лишь в инициативном порядке; к началу войны в наличии было только одно такое орудие. Так было и в России: разработанный капитаном В. В. Тарновским проект зенитной пушки на автомобильной установке не получил поддержки Главного Артиллерийского Управления, и он вынужден был передать его Путиловскому заводу. Оформление проекта здесь было начато в июне 1914 года, при участии заводского инженера Ф. Ф. Лендера, а первые 4 пушки закончены уже в ходе войны, в начале марта 1915 года. Исключением была, пожалуй, только Германия, где к началу войны уже находилось на вооружении 18 пушек на бронеавтомобилях, предназначенных для стрельбы по дирижаблям.

В целом же в военных кругах господствующим было мнение, что с воздушными целями успешно смогут бороться полевые

пушки. Разумеется, это было следствием низких тактико-технических характеристик имевшихся в то время образцов авиационной техники. Опыт Балканских войн 1912 - 1913 гг., где авиация получила уже первое боевое применение, был учтен лишь включением в правила стрельбы полевой артиллерии дополнительных параграфов.

Первые же месяцы боевых действий в 1914 году показали, что эти надежды были слишком оптимистическими. На фронте пытались обстреливать самолеты из обычных трехдюймовок, подкапывая хоботы лафетов и увеличивая этим угол возвышения градусов до 30-ти; удавалось даже достигнуть таким образом случайных попаданий. Однако, в связи с неожиданно быстрым ростом высоты и скорости полета аэропланов, низкая результативность такой стрельбы при большом расходе снарядов становилась все более очевидной. Назревала необходимость появления специальных противосамолетных, или противоаэропланых, как их тогда называли, батарей (был также и более пышный вариант названия: батареи для стрельбы по воздушному флоту).

Впервые в Русской армии противосамолетные батареи под номерами 1, 2 и 3 были сформированы в Кронштадте. Они вошли третьими батареями в состав дивизионов тяжелого пушечного полка из береговых орудий. Их вооружение также было специфическим: по четыре 75-мм морских пушки системы Канэ на тумбовых установках, со стволом длиной 50 калибров, приспособленные к зенитной стрельбе увеличением максимального угла возвышения до 50 градусов. На фронт эшелон с этими батареями отбыл 11 ноября 1914 года.

Однако из этого, конечно же, не следует, что до этого вражеская авиация на русском фронте действовала безнаказанно.

Солдатская смекалка в соединении с солидной инженерной подготовкой офицеров-артиллеристов позволили быстро найти выход из положения. В батареях появляются самодельные установки; взгромоздив на них полевые пушки, удавалось добиться углов возвышения 50 - 70 градусов и горизонтального обстрела на все 360 градусов. Сперва, как логическое продолжение "подкапывания", появились т. н. ямные установки, но они быстро приходили в негодность и были неудобны для работы расчетов, поэтому вскоре перешли на тумбовые установки. Изготавливали их, как правило, силами войск из подручного материала. Так, например, на Кавказском фронте использовали детали механических молотилок, в Польше станки собирали из железнодорожных шпал и т. п.

Не останавливалась работа и над специальными зенитными пушками. Как уже сказано выше, первые 4 противосамолетные 76-мм пушки системы Тарновского - Лендера поступили на вооружение лишь весной 1915 года. Из них была сформирована 1-я отдельная автомобильная батарея для стрельбы по воздушному флоту. Под командованием самого В. В. Тарновского она была отправлена на Северный фронт, в район Двинск - Рига. При ней в дальнейшем проходили подготовку кадры для вновь формирующихся зенитных батарей.

Всего за время войны таких батарей было создано 9: в 1915 г. - 2, в 1916 г. - 5, в 1917 г. - 2. Кроме того, в 1917 году были сформированы 3 т. н. ездящие батареи - вместо автомобилей, пушки были поставлены на деревянные подвижные платформы с конной запряжкой. Некоторое количество зенитных пушек на позиционных (т. е. неподвижных) установках стояло на прикрытии резиденции Императора - Царского Села, а также использовалось для подготовки расчетов. И, наконец, 20 пушек Тар-

новского - Лендера были назначены на вооружение десяти железнодорожных 2-х орудийных батарей, начавших формироваться также в 1917 г. Таким образом, оказывается, что за всю войну Русская армия могла иметь на вооружении не более 80 специальных зенитных пушек - и это при протяженности фронта от Балтийского до Черного моря! В то же время минимальная потребность фронта в зенитном прикрытии к концу декабря 1916 года оценивалась специалистами в 146 батарей с 584 орудиями.

Такой разрыв происходил, разумеется, из-за недостаточных производственных возможностей отечественной промышленности. Впрочем, и Франция, имевшая к концу войны 400 зенитных автопушек, и Германия, у которой зенитных пушек всех систем было около 900, и Англия - все воюющие страны считали наличное количество недостаточным и широко использовали приспособленные для зенитной стрельбы полевые пушки.

Поэтому неудивительно, что основную массу русской зенитной артиллерии в I Мировую войну составляли полевые 76-мм пушки образцов 1900 и 1902 гг., установленные на специальные станки. Первым официально утвержденным образцом считается станок системы Гвоздева (начало 1915 года, 15-я артиллерийская бригада). Он собирался из железнодорожных шпал и свободно вращался одним номером расчета. В дальнейшем появилось множество подобных конструкций: станки Розенберга, Герценшвейга, Рекалова, Мяги, Радзивиловича и др. Лучшим считался противосамолетный станок системы Б. Н. Иванова - командира 7-й отдельной легкой батареи для стрельбы по воздушному флоту. Он перевозился в упряжке, как зарядный ящик, не требуя для этого разборки. Этот станок оставался на вооружении и в Красной армии до середины 1920-х гг.

Сколько всего участвовало в боевых действиях таких приспособленных орудий, точно выяснить сейчас, по-видимому, невозможно. По официальным данным, за время войны было сформировано 223 таких батареи с 867 орудиями различных типов (в боевых действиях одновременно участвовало 130 - 150 батарей), но есть основания считать эти данные неполными. Дело в том, что многие зенитные батареи были нештатными, т. е. сформированы приказом по фронту или даже по армии, по мере необходимости, без утверждения Штабом Верховного Главнокомандующего. Нередко при этом использовались трофейные пушки. Кроме того, часто, особенно в позиционный период войны, один из вводов батареи (или одна из батарей дивизиона) ставился в ближнем тылу для зенитного прикрытия войск, в то время как остальное подразделение продолжало действовать по наземным целям. Все это, вероятнее всего, не вошло в приведенную статистику.

Таким образом стремились, по-видимому, компенсировать количеством отсутствие качества, поскольку ясно, что приспособленные полевые пушки во всех отношениях уступали специальным зениткам. Вместе со своими громоздкими станками они были недостаточно мобильны, смена позиции и особенно ее маскировка были нелегким делом. Обнаруживая издали позиции этих батарей, неприятельские летчики имели полную возможность облетать их стороной. Отрицательно сказывалась такая "ненормальная" установка и на боевых качествах пушек: невозможна была быстрая наводка в цель, снижалась скорострельность, повышался износ всех частей и механизмов. Но и при всех этих недостатках русские зенитчики честно выполняли свой долг. Зачастую сам факт открытия огня по вражескому аэроплану заставлял летчика прекратить выполнение своей задачи.

По вполне понятным причинам, общий итог сбитых русскими в этой войне самолетов не мог быть подведен. Фактические данные на этот счет отрывочны. Одно можно сказать с уверенностью: наши артиллеристы еще раз доказали свою высокую квалификацию перед лицом столь необычной для того времени задачи и нанесли врагу чувствительные потери. Так, например, по воспоминаниям капитана Б. Н. Иванова (упомянутого выше как конструктор станка), его 7-я батарея имела на своем счету 9 официально зарегистрированных сбитых самолетов; по 2-3 сбитых числилось за многими батареями. Вот как разворачивался один из боев 7-й батареи 1 октября 1916 года на Румынском фронте.

Около 5 часов утра над г. Меджидие, который прикрывала батарея, появилось 6 немецких самолетов. Противнику удалось достигнуть внезапности, зайдя со стороны солнца, - увидеть его смогли уже над самой батареей. Несмотря на открытый огонь, самолеты сбросили бомбы на город, а два из них бомбили батарею, зайдя в ее "мертвую воронку".

Командующий 6-й армией генерал Зайончковский, штаб которого располагался здесь же в городе, вызвал к себе командира батареи и начальника базировавшегося поблизости истребительного отряда и, устроив им "равнос", приказал больше подобного безнаказанного налета не допустить. Немедленно поднялись в воздух 4 наших истребителя и, покружив над городом полтора часа, сели, израсходовав горючее, как раз ко времени нового налета, так что 7-я батарея снова оказалась один на один с воздушным противником.

Это были опять те же 6 самолетов, и действовали они по той же схеме. В результате бомбежки 8 человек на батарее было ранено. Но и артиллеристы не остались в долгу: один из само-

летов удалось поджечь последним залпом на отходе от города, и он упал в расположении наших войск.

Командующий армией приказал командиру батареи немедленно прибыть в штаб с десятью наиболее отличившимися в ходе боя солдатами. Капитан Иванов выбрал наводчиков, а также тех, кто, будучи ранен, продолжал до конца боя выполнять свои обязанности. Они и были награждены генералом Зайончковским Георгиевскими крестами и медалями.

Вернулись на батарею новоиспеченные кавалеры как раз вовремя, чтобы принять участие в отражении очередного налета. На этот раз о приближении неприятельских самолетов заблаговременно предупредили по телефону наблюдательные посты с линии фронта. Очевидно, продолжала действовать все та же немецкая эскадрилья, поскольку на этот раз самолетов было 5. На город пошло теперь только 2, остальные 3 стремились "наказать" батарею за потерю своего товарища. Строча из пулеметов и бросая бомбы, они поочередно спускались так низко, что была отчетливо видна фигура наблюдателя, нагнувшегося из кабины с бомбой в руке. Артиллеристы, выполняя свою задачу, так же, как и в предыдущие налеты, стреляли только по самолетам, бомбившим город. Несмотря на это, потерь на батарее не было. Вражеские летчики теперь заметно нервничали, старались как можно меньше лететь по прямой, совершали маневры каждый раз, как только видели вспышки выстрелов на батарее. Но это мешало прицеливанию, а потому бомбы они бросали мало и беспорядочно.

Закончив бомбежку, эти три самолета поднялись повыше и на больших интервалах направились восвояси. При этом летчики, очевидно стараясь побыстрее выйти из зоны огня батареи, перешли на прямолинейный полет, чем и не замедлил воспользо-

ваться капитан Иванов. Направив огонь своих пушек на один из самолетов, он быстро добился попадания. От пораженного самолета отделилась и упала недалеко от батареи крупная деталь (как позже выяснилось - моторный капот). Мотор его остановился, но он продолжал планировать в сторону своих войск. Экипаж старался максимально облегчить машину, выбрасывая за борт бинокль, карты, пустые ленты, ящики и т. п., но это не помогло: перетянуть через передовые позиции не удалось. Пройдя буквально над головами наших солдат, самолет застрял на кольях своего проволочного заграждения. Полевые батареи, открыв огонь, довершили его разрушение.

Несмотря на потери, противник проявил настойчивость: через час над городом снова появилось 4 самолета. Разделившись попарно, они пытались повторить испытанный маневр, атакуя одновременно город и батарею, но на этот раз налет явно не удался. Под огнем батареи первая пара повернула назад, не сбросив ни одной бомбы. Вторая пара в это время успела сбросить несколько бомб, но как только огонь батареи был перенесен на нее, она также поспешила ретироваться.

Так воевали первые русские зенитчики, накапливая боевой опыт, вырабатывая основы организации и взаимодействия сил противовоздушной обороны. Они были первопроходцами, и на их достижения опиралась Красная, а затем и Советская армия в развитии этого рода войск, показавшего затем свою зрелость в огне уже II Мировой войны, и несущего до сих пор службу по охране воздушных рубежей России.

В. ДУРОВ

ГЕОРГИЕВСКАЯ МЕДАЛЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В 1913 году был выработан и утвержден новый Статут Георгиевских наград, в том числе и медали "За храбрость". Еще 14 января 1912 года в заседании особой Комиссии по разработке нового комплекса наград было решено именовать медаль "За храбрость" Георгиевской, оставив ее, как и раньше, четырехстепенной [1]. Первоначально предполагалось изменить ее внешний вид - на лицевой стороне вместо портрета Императора поместить изображение Св. Георгия на коне, а всю медаль увенчать Императорской короной. Целью этих изменений было дать возможность отличать Георгиевскую медаль от медали "За храбрость" для пограничников, которую тогда еще предполагалось оставить как самостоятельную награду.

Проектировавшийся вариант Георгиевской медали с изоб-

ОТ РЕДАКЦИИ. Тема прозвучавшего на конференции доклада В. А. Дурова была более обширна: "Солдатский Георгиевский крест и Георгиевская медаль в годы Первой Мировой войны". Но поскольку статьи докладчика, на которых была основана первая часть его выступления (об истории солдатского Георгиевского креста) в настоящий момент готовятся к публикации в журнале "Военная Быль" (№№ 4 и 5), для публикации в настоящем сборнике В. А. Дуров предоставил нам текст заключительной части своего доклада.

ражением Св. Георгия и с короной не был оригинальным. Еще в 1904 году камергер Балашов, предлагая учредить особую медаль с надписью "За храбрость" для гражданских лиц, отличившихся в военных действиях, представил и рисунки двух степеней предполагаемой награды: золотая с бантом и серебряная без банта. На лицевой стороне медали изображен Св. Георгий, на оборотной - надпись "За храбрость". Обе степени увенчаны Императорской короной [2]. Тогда этот проект не был принят.

Существуют также хранящиеся в Государственном Эрмитаже образцы медали с надписью "За храбрость", украшенные скрещенными мечами. В одном случае мечи проходят через центр медали, во втором случае они расположены в верхней ее части под Императорской короной. В этих, безусловно, пробных экземплярах можно видеть варианты боевой медали, проектировавшиеся до 1913 года.

Первая, небольшая партия новых, теперь уже официально называвшихся "Георгиевскими", медалей была отчеканена на Монетном дворе к 7 марта 1914 года. Было сделано 10 штук медалей 1-й степени (с номерами от 1 до 10), 15 - 2-й степени (No. No. с 1 до 15), 50 - 3-й степени (No. No. с 1 до 50) и 150 медалей 4-й степени (No. No. с 1 до 150) [3]. На всех медалях, как и на Георгиевских крестах, с этого времени появился значок "No. " перед цифрами.

Но уже 24 июля того же года в связи с началом мировой войны последовал новый, причем срочный заказ на Георгиевские солдатские кресты и медали. Медалей заказано было 1-й степени - 500 штук, 2-й степени - 1.500, 3-й - 10.000 и 4-й степени - 40.000 с соответствующей продолжающейся нумерацией. Правда, вскоре было велено не делать медали 4-й степени с номерами с

1101 по 1250, с 2383 по 2482 и с 2801 по 3000, 3-й степени с номерами 140 - 274, 330 - 419, 430 - 454 и 486 - 525, 1-й степени с номерами 7501 - 10500 [4]. Медали с этими номерами предполагалось выдавать из имеющегося в Капитуле старого запаса.

Позднее последовали новые многочисленные заказы. Всего же до 1 января 1917 года было отчеканено и передано в Капитулу Орденов Георгиевских медалей 1-й степени - 26.510 штук (с No. No. 1 - 26528), 2-й степени - 52.515 (No. No. 1 - 52151), 3-й степени - 271.050 (No. No. 1 - 271040) и 4-й степени - 1.335.150 (No. No. 1 - 1333100) [5]. Несовпадение числа изготовленных медалей и номеров на них объясняется тем, что часть медалей 2-й, 3-й и 4-й степеней чеканилась без номеров (так было и с Георгиевскими крестами).

Из общего числа отчеканенных до начала 1917 года Георгиевских медалей (1.685.225 штук) в Главный Штаб было отправлено 1.448.875 наград, в Главный Морской Штаб - 15.778 и в Военно-походную канцелярию Императора Николая II - 140.149 медалей, а всего 1.604.802 Георгиевские медали всех степеней [6].

По степеням награды распределялись следующим образом: в Главный Штаб было послано 23.639 медалей 1-й, 46.882 - 2-й, 248.358 - 3-й и 1.129.996 медалей 4-й степени; в Главный Морской Штаб - 71 медаль 1-й, 317 - 2-й, 1.903 - 3-й и 13.487 медалей 4-й степени; в Военно-походную канцелярию - 531 медаль 1-й, 1.155 - 2-й, 8.296 - 3-й и 130.167 медалей 4-й степени; всего же - 24.241 медаль 1-й степени, 48.354 медали 2-й степени, 258.557 медалей 3-й степени и 1.273.650 медалей 4-й степени.

Из общего количества медалей Капитулом было выслано по годам: в 1914 г. - 1.613 медалей 1-й, 3.857 - 2-й, 32.190 - 3-й и 195.017 медалей 4-й степени; в 1915 г. - 6.117 медалей 1-й степени, 12.496 - 2-й, 88.900 - 3-й и 542.033 медали 4-й степени; в 1916 и начале 1917 г. (до 16 февраля 1917 г.) - 16.512 медалей 1-й, 32.001 - 2-й, 137.467 - 3-й и 586.600 медалей 4-й степени.

Быстрое увеличение количества выдаваемых Георгиевских наград заставило правительство уменьшить содержание драгоценных металлов в них. Как и Георгиевские кресты, с мая 1915 года было велено чеканить Георгиевские медали 1-й и 2-й степеней из золота 600-й (пониженной) пробы. Медали 3-й и 4-й степеней чеканились по-прежнему из практически чистого серебра - 990-й пробы. Уже в июле 1915 года на Монетном дворе была изготовлена первая партия медалей с пониженным содержанием золота - 25 медалей 1-й степени и 35 медалей 2-й степени [7]. На них, как и на Георгиевских крестах 600-й пробы, помещены небольшие круглые клейма.

В связи с продолжавшим ухудшаться экономическим положением, 10 октября 1916 года Императором Николаем II был утвержден указ о замене драгоценных металлов во всех наградах "иными материалами". Так же, как и Георгиевские кресты, Георгиевские медали должны были иметь особые буквы на оборотной стороне - "ЖМ" (желтый металл) на медалях 1-й и 2-й степеней и "БМ" (белый металл) на медалях 3-й и 4-й степеней.

8 декабря 1916 года были утверждены пробные образцы новых вариантов крестов и медалей [8]. Позднее были определены тиражи медалей из недрагоценных металлов: 1-й степени - 10.000 штук (No. No. 26529 - 27028), 2-й степени - 20.000

(No. No. 52516 - 53515), 3-й степени - 150.000 (No. No. 263791 - 291790) и 4-й степени - 400.000 (No. No. 1289051 - 1354050).

Чеканку Георгиевских крестов начали на Монетном дворе 22 февраля 1917 года и благополучно закончили в ноябре того же года. С медалями же появились осложнения - началась Февральская революция, и изготовление этих наград с портретом Николая II стало невозможным.

И ношение уже выданных ранее медалей также стало политической проблемой. Выходили из положения, повернув награды обратной стороной наружу. Отмечались и более радикальные поступки в этом направлении. Например, в рапорте командира IX армейского корпуса, датированном 27 марта 1917 года, сообщается: "Солдаты IX корпусного радиотелеграфного отделения, не желая носить пожалованных им Георгиевских медалей с изображением бывшего императора Николая II-го, решили пожертвовать их на нужды войны". Здесь же прилагается список 13 солдат, сдавших 17 наград, в том числе 4 медали третьей степени и 13 - четвертой [9].

Но, при подобном нежелании солдат носить награды с портретом Николая II, оставалась необходимость продолжать награждения за отличия на фронте. Нужны были медали с новыми изображениями.

Уже в марте некий поручик Буков в письме Военному министру предложил изменить внешний вид Георгиевских медалей или заменить их крестами из бронзы [10]. 6 апреля исполняющий обязанности начальника штаба Главковерха генерал-лейтенант А. И. Деникин сообщал военному министру: "Главнокомандующий армиями Западного фронта ходатайствует о замене изображения на Георгиевских медалях, вместо портрета бывшего Императора Ни-

колая II, изображением Св. Великомученика и Победоносца Георгия. С своей стороны поддерживаю означенное ходатайство". 12 апреля из Капитула Орденов сообщили в Главный Штаб, что в Особом совещании по делам искусств при Комиссаре Временного правительства "рисунки лицевой стороны Георгиевских и иных медалей разрабатываются в спешном порядке". 25 апреля рисунок новой Георгиевской медали был препровожден министру финансов "для руководства при чеканке означенных медалей" с просьбой о спешном их изготовлении. Одновременно сообщалось, что новые рисунки для других медалей, имевших на лицевой стороне портрет Царя, будут в ближайшее время также представлены [11].

Будущее популярной в армии боевой награды горячо обсуждалось не только в военной среде. В газете "Вечернее время" в мае 1917 года была помещена заметка неизвестного автора "Новый тип Георгиевской медали". В ней говорилось: "Ввиду многочисленных разговоров об изменении Георгиевской медали в связи с изменившимся государственным строем полагал бы рациональными следующие два варианта: 1) на лицевой стороне сделать малого размера выпуклый солдатский крест, либо, 2) во всю лицевую сторону конное изображение Св. Георгия, но при этом обязательно сохранить образец конной фигуры на настоящем кресте" [12]. Точно такое же "двойное" предложение (либо крест, либо Св. Георгий) было сделано в газете "Русский инвалид" No. 76.

Как видим, практически все предложения сводились, как и раньше, в 1856 и 1913 годах при выработке новых Статутов, к двум вариантам: основным изображением в центре медали должен быть либо выпуклый Георгиевский крест, либо, что было предпочтительнее, сам Святой Георгий на коне. Более того, в одной

из частных коллекций Москвы хранится пробный вариант медали "За усердие", несомненно, подлинный, с изображением также конной фигуры Св. Георгия. Изображение этого святого на наградах не Георгиевских, конечно, не было принято - в результате долгих, с мая по август 1917 года, дискуссий было принято решение изображать на всех наградных медалях, кроме Георгиевской, рисунок с Государственной печати - известный эскиз художника И. Билибина, - орел без царских регалий с Таврическим дворцом в нижней части поля [13]. Осуществить этот проект не успели.

Георгиевские же медали с изображением святого были отчеканены. Судя по архивным документам, успели изготовить и некоторое количество номерных медалей с портретом Николая II и буквами "ЖМ". В документах Монетного двора 1917 года есть записи, вернее, всего две строки, причем зачеркнутые: относительно медалей 1-й степени - "с No. 26529 по 27028 - 24 февраля - 500 шт." и 2-й степени - "с No. 52516 по 53515 - 25 февраля - 1000 шт.". После этих, повторяю, зачеркнутых строк идут строки не зачеркнутые: в первом случае они сообщают, что со 2 октября по 24 ноября были отчеканены медали 1-й степени с No. 24292 по No. 32291, то есть 8.000 штук, во втором - что со 2 октября по 24 ноября были отчеканены медали 2-й степени с No. 48455 по No. 62454, то есть 14.000 штук [14].

Ясность вносит еще одна запись в делах Монетного двора, датированная 31 июля 1917 года: "Ввиду передачи на Монетный двор для сплава всех Георгиевских медалей прежнего образца, Капитул Орденов просит при изготовлении Георгиевских медалей нового образца начать нумерацию не со следующего No. последней сдачи, а с нижеследующих..." и далее предлагается,

в частности, нумерацию медалей с изображением Св. Георгия 1-й степени начать с No. 24292, а 2-й степени - с No. 48455 [15]. Из этого следует, что после Февраля в сплавку пошли не только медали с портретом Николая II, чеканенные из недрагоценных металлов, но и часть медалей, изготовленных из серебра, но не успевших покинуть Монетного двора.

Таким образом, если где-либо обнаружатся медали серебряные с портретом Николая II 1-й степени с номерами между 24292 и 26528, либо 2-й степени с номерами между 48455 и 52515, это значит, что не все медали, предназначавшиеся к уничтожению, были переплавлены. То же самое относится и к небольшому числу медалей с портретом Николая II, чеканенных из желтого металла: медали 1-й степени в количестве 500 штук (No. No. с 26529 по 27028) и 2-й степени - 1.000 штук (No. No. с 52516 по 53515) также, видимо, были уничтожены. При этом я обращаю внимание читателя на то, что медали 1-й степени с No. 24292 до No. 27028 были изготовлены на Монетном дворе дважды, сначала с портретом Императора (серебро с No. 24292 до No. 26528 и недрагоценный металл с No. 26529 до No. 27028) и затем, после уничтожения этих двух партий, вся серия номеров была повторена, но с изображением Св. Георгия. Медали 2-й степени No. No. 48455 - 53515 были также отчеканены дважды, с портретом Императора (серебро с No. 48455 по No. 52515 и недрагоценный металл с No. 52516 по No. 53515) и затем со Св. Георгием с No. 48455 по No. 53515. Так что коллекционеры и работники музеев могут надеяться обнаружить случайно оставшиеся неуничтоженными медали с портретом Николая II.

Что же касается медалей с изображением Св. Георгия 3-й и 4-й степеней, то их изготовление началось 12 сентября и

благополучно закончилось 24 ноября 1917 года. 3-я степень была отчеканена в количестве 28.000 (No.No. с 263791 по 291790), 4-я степень - 65.000 (No.No. с 1289051 по 1354050) [16]. Медали этих степеней с портретом Николая II в переплавку, судя по документам, не пошли.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГИА, ф. 496, оп. 3, д. 1092.
2. РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 21695, лл. 2, 3.
3. РГИА, ф. 570, оп. 11, д. 1265, л. 3.
4. Там же, лл. 24, 25, 26.
5. ГА РФ, ф. 676, оп. 1, д. 367, л. 12.
6. Там же, л. 21 об.
7. РГИА, ф. 570, оп. 11, д. 860, л. 1.
8. Там же, д. 1045, л. 14.
9. РГВИА, ф. 400, оп. 12, д. 27671, лл. 1 - 2.
10. Там же, л. 12.
11. Там же, лл. 3, 6, 7, 13.
12. Газета "Вечернее время", 8 (21) мая 1917 г., No. 1815.
13. ГА РФ, ф. 6, оп. 1, д. 1626, лл. 2 - 6.
14. РГИА, ф. 570, оп. 11, д. 1045, лл. 31, 31 об.
15. Там же, л. 62.
16. Там же, лл. 21, 22.

С. ЛИПАТОВ

РУССКАЯ И ГЕРМАНСКАЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Деятельность разведок представляет собой наименее изученную и полную мистификаций и противоречий тему в отечественной и зарубежной историографии первой мировой войны. Количество книг и статей, изданных у нас и за рубежом за время после окончания войны, превышает 200 наименований. Однако многие из них носят действительно научный характер и действительно опираются на архивные источники.

В Советском Союзе в 1920-е гг. были изданы мемуары В. Николаи и М. Ронге. Отрывочные материалы о работе разведки содержатся в опубликованных в то же время мемуарах русских участников войны. В 1930-е гг. в СССР был издан ряд популярных брошюр, призванных привлечь внимание населения к коварным проискам иностранных шпионов и сыграть роль в нагнетании атмосферы подозрительности и шпиономании в стране. В 1940-е гг. издавались переводы популярных книг английских и американских авторов, посвященных деятельности разведслужб Германии, Австро-Венгрии и стран Антанты. В последнее время, в связи с открытием архивных документов, в печати появился ряд публикаций по данной теме, среди которых особого внимания заслуживают книга И. Деревянко, Д. Павлова и С. Петрова "Тайны русско-японской войны" и статья П. Аптекаря "Агенты и резиденты".

Литература, посвященная деятельности разведок во время первой мировой войны, полна противоречий. Так, бывший начальник немецкой секретной службы полковник В. Николаи в своих мемуарах весьма скромно отзывался о возможностях немецкой разведки и контрразведки в годы войны, в то время как его английские, французские и русские коллеги говорили то о неспособности и убогости немецкой разведки, то, наоборот, о ее всемогуществе. То же самое говорится и о деятельности русской разведки и контрразведки. При рассмотрении отдельных операций разведки и их участников, видимые противоречия приобретают иногда антагонистический характер. Если русская зарубежная и советская историография утверждает, что жандармский полковник С. Мясоедов был предателем, заслуженно понесшим кару, то немецкие авторы утверждают, что он был наиболее удачливым русским разведчиком, ставшим жертвой зависти коллег и интриг в высшем командовании. Не все однозначно и в отношении дела полковника А. Редля, который, по-видимому, стал жертвой своих коллег, а не ошибки в сети связи русской разведки [1]. Ответы на эти вопросы могло бы дать изучение соответствующих архивов, которые были долгое время закрыты.

В данной статье на основе опубликованной литературы рассматриваются некоторые наиболее общие и, быть может, спорные вопросы деятельности русской и немецкой разведок во время первой мировой войны.

Если понимать под организацией военной разведки и контрразведки непосредственно подчиненную высшему военному руководству организацию для получения и оценки секретной и открытой информации о военном состоянии государства противни-

ка и коалиций, для ослабления противника силами и средствами секретных служб и для защиты от секретных служб противника и введения их в заблуждение, то Россия по сравнению с будущими противниками и союзнниками накануне первой мировой войны имела наиболее молодую и наименее опытную систему разведки.

По сложившейся к началу века системе, основную массу разведывательных данных Главный Штаб русской армии получал от военных агентов (военных атташе) российских посольств. До 1903 г. в мирное время в штабах военных округов разведывательных отделений не было, а информацию об армиях сопредельных государств собирали отчетные отделы штабов приграничных округов [2]. Кадровых офицеров-разведчиков не было. Курс тайной разведки в Академии Генерального Штаба был введен только после 1906 г. [3].

Отсутствие в русской армии современной системы разведки было одной из основных причин поражения России в русско-японской войне. Русский Главный Штаб считал возможным в 1898-1904 гг. назначать в Японию, где искусство шпионажа культивировалось издревле и было доведено до совершенства, военных агентов, не знавших японского языка и не имевших своих переводчиков. Пользуясь этим, японцы успешно снабжали русских военных атташе дезинформацией. На театре военных действий система разведки начала создаваться только после начала войны и не могла обеспечить войска необходимой информацией. В результате армия вела боевые действия вслепую и несла большие потери [4].

Реформы армии, начавшиеся после русско-японской войны, затронули и организацию разведки. Еще летом 1903 г. были созданы разведывательные отделы в штабах приграничных окру-

гов [5]. 25 июня 1905 г. было сформировано Главное управление Генерального Штаба. Приказом по военному ведомству No. 252 от 22 апреля 1906 г. была утверждена его структура, по которой 5-е (разведывательное) делопроизводство вошло в часть 1-го оберквартирмейстера управления генерал-квартирмейстера. 1 сентября 1910 г. [6] разведывательное отделение "в связи с возросшей ролью организации негласной разведки и борьбы с шпионством" [7] было выделено в Особое делопроизводство, вошедшее в отдел 1-го генерал-квартирмейстера. При этом военные агенты (атташе) подчинялись непосредственно генерал-квартирмейстеру. В 1913 г. Особое делопроизводство было преобразовано в отдел 2-го генерал-квартирмейстера. В его составе были следующие части: особое делопроизводство по сношению с МИД и иностранными военными миссиями и агентами, части 2-го (разведка) и 3-го (контрразведка) оберквартирмейстеров. Из этого видно, что центральная структура разведывательной службы заняла надлежащее место в системе ГУГШ только за год до начала войны.

Разведка по основным стратегическим направлениям осуществлялась разведывательными отделами (РО) штабов военных округов: в странах Скандинавии - РО Петербургского, в Восточной Пруссии - РО Виленского, Пруссии и Австро-Венгрии - РО Варшавского, Австро-Венгрии и Румынии - РО Киевского, Турции и Иране - РО Закавказского военных округов. Разведывательные отделы штабов округов работали успешно, но несогласованно. Получаемая разведывательная информация часто не анализировалась и не оценивалась должным образом. Часто разведывательные отделы не считали необходимым направлять полученную ими ценную информацию в ГУГШ [8].

С. А. Ульянин скончался от рака (сделанная ему операция не помогла). Похоронен он в Лондоне на кладбище Лэдуэл.

В заключение приведем слова некоторых аттестаций нашему герою. В 1916 г. начальник Увофлота отмечал "большую эрудицию" полковника Ульянина и его "широкую осведомленность" в авиационном деле, "в коем он является одним из старейших авторитетов". Заведующий авиацией и воздухоплаванием Великий Князь Александр Михайлович характеризовал его как "выдающегося во всех отношениях офицера, обладающего громадной компетенцией по авиационным вопросам как у нас, так и за границей". В некрологе, напечатанном в белградском эмигрантском журнале "Наша стихия" в 1923 г., сказано: "... С. А. Ульянин заслужил то глубокое уважение, каким пользовался среди всех его знавших, заслужил ту вечную память, которая будет жива не только в его современниках, но и на страницах истории русской авиации, в направлении и путях которой он столько лет работал не за страх, а за совесть. Да будет он примером для нас и для будущих поколений русских летчиков".

Из сказанного в статье видно, что С. А. Ульянин внес достойный вклад в дело борьбы с неприятелем в Великой войне не только подготовкой летных кадров, но и плодами своих конструкторских способностей и организаторской деятельностью.

А. МАХАЛИН

**В. М. ТКАЧЕВ - УЧАСТНИК И ИСТОРИК
ВОЗДУШНЫХ СРАЖЕНИЙ ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ**

В Рукописном отделе Российской Государственной Библиотеки хранится экземпляр до сих пор неизданной рукописи В. М. Ткачева "Крылья России" (более 600 листов машинописного текста с таблицами и схемами), представляющей собой уникальное явление русской военно-исторической литературы и повествующей о боевом пути Русского Военного Воздушного Флота в Великую войну. Несмотря на завидную популярность "Крыльев" в среде пишущих о раннем возрасте отечественной авиации, работа Ткачева практически неизвестна широкой публике и, несмотря на неоднократные попытки ее опубликования, уже четвертый десяток лет томится под спудом.

Автору этого замечательного произведения, Вячеславу Матвеевичу Ткачеву, принадлежат и неоценимые - и по сей день неоцененные! - заслуги в создании и развитии военной авиации Отечества на начальном этапе ее существования. В эпоху Великой войны фамилия Вячеслава Матвеевича по праву занимала первую строчку в списке наиболее выдающихся военных летчиков России, и отнюдь не прихоть слепого случая привела его на пост главы Военно-Воздушного Флота (Авиадарма), занимаемый им

с июня по декабрь 1917 г. Преувеличить значение его трудов на благо российской авиации невозможно, и только марксистско-ленинской историографии было под силу держать имена подобных людей за семью печатями, на основании своего "классового подхода" объявив весь офицерский корпус Российской Императорской Армии скалозубами, убогими в профессиональном отношении, а войну 1914 - 1917 гг. - малозаметным эпизодом в "героическом эпосе" трех русских революций. К сожалению, обстановка на "историческом фронте" и сегодня мало в чем изменилась по сравнению с предыдущими десятилетиями, в результате чего Великая война, ставшая отправной точкой всех социальных, культурных и криминальных процессов, терзавших и терзающих Россию, пребывает в состоянии - напрасного пока - ожидания своего изучения и анализа, а люди, заслужившие ратным трудом, кровью и жизнями своими право быть причисленными к чину героев той войны и своей Родины, продолжают пребывать в неизвестности или служить мишенями для площадных оскорблений.

Предлагаемый доклад - еще одна попытка восстановить историческую справедливость и доброе имя талантливейшего русского авиатора, незаурядного военачальника, вдумчивого теоретика военной авиации, кропотливого исследователя истории отечественного Военно-Воздушного Флота - Вячеслава Ткачева. С первого и до последнего дня участия России в Великой войне Ткачев был непосредственным участником боевых действий, а в годы так называемой "оттепели" - с наименьшим напряжением и самоотдачей работал над беспрецедентным трудом по истории русской авиации 1910 - 1917 гг.

В боевой поход 1914 года В. М. Ткачев выступил двадцати восьми лет от роду, в чине подесаула и в должности начальни-

ка XX-го корпусного авиотряда. Несколько отдаляя рассказ о фронтовой деятельности этой авиачасти и ее начальника, отступим на некоторое время назад, чтобы стало понятно, каким образом казачий офицер оказался во главе столь необычного для русской армии - авиационного - формирования.

Вячеслав Ткачев родился 24 сентября (ст. ст.) 1885 г. на Кубани. Потомственный казак. Потомственный дворянин. Получил военное образование в Нижегородском графа Аракчеева кадетском корпусе и Константиновском артиллерийском училище. Летом 1906 года в чине хорунжего был выпущен во 2-ую Кубанскую казачью батарею младшим офицером. Фундаментальная училищная подготовка (учился юнкер Ткачев превосходно) стала основанием для того, чтобы через три месяца после прибытия к месту службы он был поставлен исполнять обязанности начальника учебной команды батареи. В продолжение непрерывного четырехлетнего "артиллерийско-педагогического" поприща Вячеслав Ткачев сделал известную карьеру, поднявшись до начальника учебной команды артиллерийского соединения Кавказского корпуса (I-го Армейского).

В августе 1910 года происходит перелом жизненного пути кубанца-артиллериста: приказом Военного министра сотник Ткачев прикомандировывается к Одесскому кадетскому корпусу на должность офицера-воспитателя. Оказавшись в Одессе, двадцатипятилетний казачий офицер невольно приблизился к совершенно новой и необычной области человеческой деятельности - Авиации. Дело в том, что именно Одесса в 1910 году слыла и была "Меккой" российской авиатики: первый в Империи аэроклуб, первый в русских небесах полет аппарата тяжелее воздуха, первая летная школа, первый в России съезд - тоже первый! - авиаци-

ложило на себя особую ответственность. С военной точки зрения его проезд через Германию имел свое оправдание: Россия должна была пасть. Но наше правительство должно было следить, чтобы мы не погибли вместе с ней" [22].

А эту гибель предотвратить было уже нельзя. С весны 1918 г. начальнику службы разведки и контрразведки генерального штаба Германии (отдела II В) полковнику В. Николаи пришлось мобилизовать крупные силы на борьбу с распространением большевистской пропаганды и агитации, центром которой стало советское полпредство в Берлине [23]. Большевистское правительство начало претворение в жизнь идеи мировой революции.

Как указывает ряд отечественных и зарубежных авторов, слабость русской военной разведки заключалась не в отсутствии профессионализма (хотя специально профессионалы-разведчики в то время не готовились), не в отсутствии ценных агентов, а в том, что ценные сведения, добытые ценой огромных усилий, не оценивались, не анализировались должным образом и не реализовывались командованием. Работа органов разведки не была скоординирована. Имела место утечка информации. Русская разведка ограничивалась чисто военными целями, в то время как разведка противника ставила и военно-политические цели, которых зачастую и достигала.

Первая мировая война еще выше подняла значение всех видов разведки. Во время этой войны широкое развитие получили технические виды - авиационная разведка и радиоразведка. Агентурные разведки испытывали большие сложности из-за установления сплошных фронтов и отсутствия эффективных средств связи.

В области политической разведки был получен большой опыт использования внутренних политических и национальных противоречий в государствах противника, их искусственного поддержания и развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Алексеев М. Был ли полковник Редль русским шпионом? // Совершенно секретно. No. 8, 1991, с.12.
2. Кавтарадзе А. Г. Войсковое управление Генерального Штаба // Военно-исторический журнал. No. 6, 1978, с. 77.
3. Деревянко И. В. и др. Тайны русско-японской войны. М. 1993, с.148.
4. Там же, с.149-150.
5. РГВА, Коллекция дел, Оп. 2. Д.11. Л.112.
6. Приказ по военному ведомству No. 496 от сент. 1910 г.
7. РГВИА, Ф. 200. Оп. 2. Д. 292. Л. 73.
8. Деревянко И. В. и др. Тайны русско-японской войны. М. 1993, с.150.
9. Hohne H. Der Krieg im Dunkeln. Berlin 1988, S.127.
10. Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. М. 1926, с.102-103.
11. Там же; см. также Аптекарь П. Агенты и резиденты // Родина. No. 8 - 9, 1993, с. 40.
12. Hohne H. Der Krieg im Dunkeln. Berlin 1988, S.127.
13. Зайончковский А. М. Подготовка России к империалистической войне. М. 1926, с.96.

14. Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstim-
mung im Weltkrieg. Berlin 1922, S.19.
15. Kahn D. The Codebreakers. N.Y. Macmillan 1967,
p.p. 622-628.
16. О работе разведок в 1-ю мировую войну // Часовой.
No. 383 (1), январь 1958, с.13.
17. Вооруженные силы Сербии. Изд. Штаба РККА, 1919,
с. 3.
18. Hohne H. Der Krieg im Dunkeln. Berlin 1988. S. 130.
19. Звонарев К.К. Агентурная разведка. Т.2. Изд. Гл.
Штаб РККА, 1930, с. 31.
20. Hohne H. Der Krieg im Dunkeln. Berlin 1988. S. 211.
21. Гофман М. Война упущенных возможностей. М - Л,
ГИЗ, 1925, с.147 -148.
22. Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914-1918 гг.
Т.2, ГИЗ, М., 1924, с.89.
23. Nicolai W. Nachrichtendienst, Presse und Volksstim-
mung im Weltkrieg. Berlin 1922. S.48.

С. НЕЛИПОВИЧ

**В ПОИСКАХ "ВНУТРЕННЕГО ВРАГА":
ДЕПОРТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ (1914 - 1917)**

Первая мировая война 1914 - 1918 гг. по праву вошла в список крупнейших катастроф мировой цивилизации. Начатая во имя амбиций правящих группировок "мировых держав", она привела к огромным жертвам и девальвации гуманистических ценностей. Для России, кроме того, поражение в войне обернулось крахом общественно-политической системы, развалом исторически сложившегося государства, крушением великодержавия.

Не в последнюю очередь российская трагедия была вызвана невиданным по силе всплеском национализма, что и определи-

ОТ РЕДАКЦИИ. Доклад С. Г. Нелиповича на конференции вызвал оживленную дискуссию, в ходе которой были подвергнуты сомнению некоторые основные его положения. В частности, сам докладчик признал, что практика депортаций по национальному признаку в годы Первой Мировой войны не являлась специфически российским явлением (что не было им оговорено); так, депортации применялись во Франции, а в Австро-Венгрии даже приняли форму заключения карпаторусского населения в концентрационные лагеря с чрезвычайно жестоким режимом (см., например: Ваврик В. Р. Терезин и Талергоф: К 50-летней годовщине трагедии

ло плачевную судьбу многонационального государства. Однако следует заметить, что российское политическое руководство уже с первых дней войны взяло курс на "национализацию" конфликта с Германией. Россия и Германия долгие годы жили в мире, имели устойчивые экономические, политические и культурные связи. Народы двух государств, особенно в пограничных районах (Польша, Прибалтика, юго-запад Украины), долгое время жили вместе и в значительной степени переплелись между собой. В России в течение десятков лет жили немецкие подданные, у которых немецким был только паспорт.

И вот с августа 1914 г. руководство России взяло курс на развязывание антинемецкой кампании на фронте и в тылу. Особенно широко она стала развиваться после поражения Северо-Западного фронта в Восточной Пруссии. 2/15 сентября 1914 г. столица государства, Санкт-Петербург, переименовывается в Петроград. Еще ранее запрещается ношение германских и австрийских наград, переименовываются полки, шефами которых были представители Германской и Австро-Венгерской Империй. В Германии и Австро-Венгрии подобных акций не проводилось, и

галицко-русского народа. - [Филадельфия], 1966, и др.). В то же время в Российской Империи подобная практика, как видно из того же доклада, в сущности, не имела характера государственной политики, а сводилась к "самодеятельности" отдельных войсковых начальников, хотя и занимавших достаточно высокие посты. Названное в докладе количество депортированных из прифронтовых областей (десятки тысяч человек) заставляет предположить, что при подсчетах в это число были включены и беженцы, исход которых вслед за отступающими русскими войска-

полки сохраняли исторические имена русских Императоров и Великих Князей.

Крепость Динамюнде в устье Западной Двины была переименована в Усть-Двинск, Динабург - в Двинск, Дерпт - в Юрьев. Чудом волна переименований не коснулась других населенных пунктов "немецкого происхождения".

Следом за военными поражениями осенью 1914 г. под Лодзью начался активный поиск "внутреннего врага". В ноябре 1914 г. комиссия генерал-лейтенанта Пантелеева имела прямую задачу - изобличить в измене генерала от кавалерии П. К. Ренненкампа, отрешенного после Лодзи от командования 1-й армией. Комиссии не удалось свалить на Ренненкампа ответственность за разгром 2-й армии в Восточной Пруссии, но пробный камень был запущен, была создана основа для деятельности "комиссий по борьбе с немецким васильем" 1915 - 1916 гг.

Главной составной частью борьбы с "внутренним врагом" стала депортация во внутренние губернии и в Сибирь немецких, венгерских, польских, литовских, болгарских, армянских (до 1915 г.) и еврейских семей, живущих в пограничных областях и

ми был поистине массовым. Вопрос о "всплеске национализма" также требует дополнительного рассмотрения с учетом несоответствия терминологии, существовавшей в начале века ("великоросский" - "русский" - "российский"), - нынешней ("русский" - "российский"); в связи с этим интересно, что ряд названных С. Г. Нелиповичем военачальников (генералы Сиверс, Одишелидзе, Джунковский, по некоторым сведениям - Рузский), а также не упомянутый в докладе один из активнейших творцов шпиономании М. Д. Бонч-Бруевич, не являлись великороссами. При обсуждении

в военных округах, объявленных "округами на театре военных действий", то есть в Одесском, Двинском, Минском и Киевском.

23 сентября 1914 г. генерал Апуктин потребовал высылки всех немцев из Ливавы и Виндавы. Сувалкский губернатор Куприянов на обращение в штаб Двинского округа, высылать ли колонистов моложе 15 и старше 45 лет (высылка оправдывалась возможностью призыва в германскую армию в случае захвата данной территории), получил ответ начальника штаба округа генерал-лейтенанта П. Г. Курлова: "Высылать всех, распространив на всю губернию, занятую нашими войсками". Командование 10-й армии (генерал от инфантерии Сиверс и его начальник штаба генерал-лейтенант Одишелидзе) 10 октября распорядились выслать колонистов из всех мест, находящихся на военном положении, "не исключая и русских подданных" [1].

7 ноября 1914 г. было приказано выселить всех немцев, находящихся на государственной, общественной и выборной службе. С ноября началась и депортация немцев из Лифляндии, Курляндии и Риги. Во всем Прибалтийском крае был запрещен немецкий язык. Нарушителей запрета ждало тюремное заключение. Так,

доклада оспаривалось также утверждение С. Г. Нелиповича о правительственном характере "антинемецкой кампании": о противном свидетельствует позиция неправительственной центральной прессы, смакувавшей подробности выселений немцев и раздувавшей германофилию, - в чем проявились настроения "общественности", всемерно приветствовавшей вступление России в войну в союзе с "европейскими демократиями". Более того, напомним, что на протяжении всей войны "общественность" постоянно нападала на правительство с обвинениями в... германофильстве, до-

аптекарь г. Риги И. Э. Ф. Бреде 4 июля 1915 г. был арестован на 3 месяца за попытку объясниться по-немецки с датчанкой, не знавшей других языков [2].

25 декабря начался новый этап депортации. На этот раз верховный главнокомандующий, генерал от кавалерии Великий Князь Николай Николаевич велел выслать всех немцев-колонистов "из полосы шириной 15 верст в каждую сторону от железных дорог Северо-Западного фронта внутрь Империи... мужского пола в возрасте 15 лет и старше, кроме больных, не могущих выдержать переезда". Спустя 4 дня главноверх разъяснил, что под колонистами надлежит разуметь "всех крестьян - русских подданных немецкой национальности", литовцев-лютеран. За немцами, находящимися в городах и на выборных должностях, устанавливался полицейский надзор. Подлежали безусловной высылке немцы, подлежавшие призыву в русскую армию [3]. Того же дня началась высылка немцев и из Гродненской губернии.

Особенно усердствовал новый главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н. В. Рузский, в конце 1914 г. приказавший очистить от немецкого населения Су-

шедшими до апогея в распространявшихся (столь же злонамеренных, сколь и необоснованных) слухах о намерении правительства заключить сепаратный мир. Учитывая все изложенное и уважая право С. Г. Нелиповича на отстаивание собственного мнения и публикацию текста своего доклада без каких-либо изменений и исправлений, редакция сборника в то же время считает необходимым оговорить прозвучавшие на конференции возражения и поправки.

валкскую губернию, а 16 - 19 января 1915 г. обратившийся в Ставку со следующим "прожектом": "Прошу не отказать сделать распоряжения о выселении с территории Варшавского военного округа, входящей в состав Северо-Западного фронта, всех немецко-колонистов мужского пола в возрасте от 15 до 60 лет, кроме больных и состоящих на государственной и общественной службе" [4].

Одними немцами и литовцами дело не обошлось. 25 января 1915 г. генерал-квартирмейстер Ставки генерал от инфантерии Ю. Н. Данилов направил циркулярную телеграмму начальникам военных округов: "Главкомандующий приказал выселять всех евреев и подозрительных лиц из районов боевого расположения войсковых частей". По проекту товарища министра внутренних дел Джунковского, евреи должны были выселяться за р. Днепр, но не в Крым. Одновременно штабом Юго-Западного фронта была начата поголовная депортация евреев из оккупированных русскими войсками районов Галиции [5]. Немцев предполагалось выселять в Саратовскую, Симбирскую и Уфимскую губернии, а с 16 июля 1915 г. - в Тургайскую область и Енисейскую губернию. Последняя вскоре была выбрана местом ссылки всех "враждебных" наций [6].

Только острая нехватка подвижного состава железных дорог и отсутствие места для временного размещения депортированных в Харьковской губернии (туда из Галиции было выслано свыше 10 тыс. евреев) заставили российское руководство отказаться от поголовной высылки еврейского населения. 11 апреля приостановили высылку евреев из Виленской и Гродненской губерний, 24 мая 1915 г. была прекращена депортация из Галиции [7].

Однако депортации немецкого населения продолжались. Теперь поводом для высылки мог стать донос о "враждебной деятельности" (по этому поводу продолжали высылать также литовцев, поляков, евреев, украинцев) или просто применение родного языка. Так, подвергались тюремному заключению в Киевском военном округе "лица, порицающие действия войск, пренебрежительно относящиеся к русским войскам и их военачальникам, ... или восхваляющие действия неприятельских войск и порядков..." [8].

19 мая 1915 г. главный начальник Киевского военного округа генерал от инфантерии В. И. Троцкий запретил употребление на территории округа немецкого, венгерского и турецкого языков "во всех местах, а равно на улице", вывески, объявления, справки, переписку, включая частную, публичное исполнение рассказов, куплетов, песен, рекламу на этих языках, "продажу товаров с названиями, хотя и на русском языке, или с изображением каких-либо лиц, наименований, событий и т. п., имеющих отношение к воюющим с Россией государствам, как оскорбляющих национальное чувство русского народа". Нарушители этих запретов подвергались штрафу в 3000 рублей и 3-месячному заключению [9].

Еще ранее, 18 февраля, приказом начальника штаба округа генерал-лейтенанта Н. А. Ходоровича было запрещено в лютеранских кирхах богослужение на немецком языке. Правда, духовную литературу и надписи на могилах решено было не уничтожать [10]. 21 июня В. И. Троцкий запретил деятельность и закрыл молитвенные дома штундистов, "как рассадников немецкой революционной пропаганды" [11].

Проводились акции, направленные против экономической и культурной деятельности колонистов. 8 марта 1915 г. председатель Совета министров уведомил начальника штаба верховного главнокомандующего генерала от кавалерии Н. Н. Янушкевича о конфискации земель немецких колонистов на театре военных действий. При высылке колонист не имел права что-либо продать или взять с собой. За покупку у колониста, скажем, скота, можно было поплатиться высылкой в Сибирь [12].

Показательна судьба 1-го Балтийского авто- и аэро-клуба из Риги. С началом войны клуб сформировал добровольческий санитарный отряд (29 русских, 126 немцев, 8 иностранцев). Но в июне 1915 г. отряд был расформирован и отозван с фронта. "Хотя деятельность отряда заслуживает лишь лучших отзывов, - писал начальник штаба Двинского военного округа генерал-лейтенант П. Г. Курлов Н. Н. Янушкевичу, - тем не менее я считаю долгом донести, что внутренняя жизнь клуба несомненно носит ярко выраженный немецкий характер". Был уволен от должности вице-губернатора Лифляндии президент клуба князь Н. Д. Кропоткин, против него было возбуждено дело по обвинению в употреблении немецкого языка [13].

24 июня евангелическим церквям запретили сбор средств для помощи беженцам и депортированным из русской Польши [14]. По доносу за сбор средств для репрессированных был сослан виленский пастор Павел Тительбах [15]. 5 августа в Киеве было разгромлено "Русское общество всеобщей компании электричества", как "несомненно немецкое" [16].

Не были оставлены в покое и колонисты внутренних губерний России. Из Казанского военного округа осенью 1914 г. началась высылка немцев-колонистов на Кавказ. Всего с октября

1914 г. по ноябрь 1915 г. было выслано 22658 человек призывного возраста, которые должны были "употребляться в качестве рабочей силы", как заявил начальник штаба Казанского военного округа генерал-лейтенант Аверьянов [17]. 16 ноября 1915 г. главный начальник округа генерал от инфантерии Сандецкий приказал отобрать у мобилизованных в ополчение немцев папахи и выдать поношенные шинели [18]. На Кавказский фронт отправлялись также немцы, уже призванные в регулярные и ополченские части. Так, из расквартированной в Пензе 55-й бригады государственного ополчения на Кавказ отправили 200 ратников-немцев. 31 марта 1916 г. Казанский округ отправил в Карс 5500 нижних чинов-немцев, 2 октября в Эрзерум было послано для строительных работ 2983 немца, а на строительство Трапезундских укреплений - 691 колонист [19]. С началом строительства в 1916 г. железной дороги Петроград - Кола и порта Романов-на-Мурмане (ныне Мурманск) немецкие колонисты посылались туда.

Как уже говорилось выше, репрессии коснулись не только немцев. В число "враждебных народов" попали цыгане (их высылка вглубь России началась 27 июля 1915 г.) [20] и евреи. 3 февраля 1915 г. приказом главного начальника Киевского военного округа генерала от инфантерии В. И. Троцкого евреи были объявлены "подданными враждебных России государств" по разряду А (то есть наравне с немцами, венграми и турками - подданными соответствующих держав) и подлежали высылке [21]. Первая партия евреев, высланных из Галиции, была направлена в марте 1915 г. в Полтавскую губернию (10 тыс. человек). Но полтавский губернатор Багговут заявил о невозможности разместить "такое огромное количество евреев" [22]. Затруднения с пере-

возками, кризис транспорта и, наконец, отступление из Галиции и Польши заставили главноверха, Великого Князя Николая Николаевича, отказаться от поголовной депортации евреев. 24 мая он "признал необходимым, в предупреждение их преступных выступлений, брать из числа неправительственных раввинов и богатых евреев заложников под стражу, подвергая имущество их в то же время секвестру, с предупреждением сих последних о применении к ним, в случае малейшего попустительства со стороны евреев, клонящегося во вред нашей армии, самых репрессивных мер" [23].

Индивидуальная депортация евреев продолжалась по инициативе командования военных округов или армейских и фронтовых штабов. Так, из Киева зимой и летом 1915 г. были высланы в числе прочих находящийся на излечении после ранения рядовой 165-го пехотного Луцкого полка Д. Э. Корцов и инвалид войны - георгиевский кавалер 130-го пехотного Херсонского полка И. В. Линдин [24]. 10 сентября 1915 г. новый начальник штаба Ставки генерал от инфантерии М. В. Алексеев приказал выслать евреев из Псковской губернии [25].

Проводились и другие акты дискриминации. 30 марта 1915 г. штабы Юго-Западного фронта и Киевского военного округа запретили выдачу евреям заграничных паспортов, а осенью прошла кампания по увольнению от должностей евреев - военных врачей, санитаров и фельдшеров [26]. Показательна драматическая история с купцом М. Ракитой, который поставил по дешевой цене станки для Киевской авиационно-автомобильной мастерской весной 1915 г. Он не только не получил денег по подряду, но был сослан, так как станки были германского производства [27]. Характерно замечание штаба 4-й армии о поряд-

ке проведения реквизиций на театре военных действий и в "угрожаемых районах": "У жидов забирать все" [28].

Чрезвычайно широкий размах приняло доносительство. Чего стоят, например, анонимные обвинения в отправке депеш в Германию "в яйцах кур ценных пород" или о заготовке евреями г. Вильно "в подземельях и трущобах" кастрюль для выплавки снарядов для противника [29].

Тот факт, что подобные обвинения не подтверждались, не всегда принимался во внимание. Так, 12 марта 1915 г. из Вильны выслали крестьянина Т. А. Кальмана, обвиненного в шпионаже, но оправданного судом за отсутствием состава преступления [30]. Основанием для депортации в Енисейскую губернию управляющего имением Варкляны Э. Бартель де Вейденталя послужила его "недоляльность", проявившаяся в отказе добровольно сдать скот для нужд армии и установить в имении бюст Александра II [31].

После февральской революции 1917 г. в индивидуальном порядке стал решаться вопрос о возвращении депортированных лиц из ссылки. Военные и гражданские власти решали этот вопрос в индивидуальном порядке. Некоторая часть высланных, в основном евреев и поляков, вернулась на места прежнего жительства летом - осенью 1917 г. После долгой переписки была проведена даже реабилитация сосланных в Иркутск членов сионистской организации г. Витебска "Кодимо". Однако высланных немцев эти процессы не коснулись. Их прошения о возвращении из ссылки неизменно отклонялись. Главнокомандующий Северным фронтом генерал от кавалерии А. М. Драгомиров секретным циркуляром 14 мая 1917 г. разъяснял, что амнистия не распространяется на высланных "за германофильство" [32]. На прошении,

направленном в Государственную Думу колонистами, высланными из Волынской губернии в Бузулук (В. М. Браун с сыновьями, И. Ф. Решке, Х. А. Пано, Л. Э. Лик, Э. И. Бунковский), генерал-лейтенант Трегубов, главный начальник Киевского военного округа, написал: "Как немцы-колонисты возвращению не подлежат" (26 июня 1917 г.) [33].

Имело ли разумное объяснение выселение огромного числа людей, разделение семей, разжигание, по сути дела, национальной розни внутри страны? Безусловно, среди высланных были и шпионы. Но основная масса высланных не имела ничего против России, да и сам факт измены или шпионажа не устанавливался даже порядком военного трибунала или военно-полевого суда. Основанием для высылки служили доносы и национальная принадлежность, а иногда и вероисповедание. Дискриминация призванных в русскую армию немцев подтверждает бессмысленность репрессий 1914 - 1917 гг.

Вот строки из прошения о зачислении в действующую армию православного В. Михеля, высланного из Москвы в Стерлитамак без указания причин 16 мая 1916 г.: "Проживал все время от рождения в России, ничего общего с Германией не имел, не желаю и не могу иметь..." [34]. Кому могла помешать высланная из Риги в Смоленск и разлученная с детьми и внуками Д. Георгес - глухая и слепая 80-летняя старуха, 40 лет жившая в России? [35]

Правительство России, по словам сосланной из Новоград-Волынского в Самарскую губернию матери 4 детей Леокадии Мертке, "признавало немцев своими внутренними врагами" [36]. Что же - внутренний "враг" был найден. Стоит ли удивляться тому, что в 1917 г. в России был открыт внутренний фронт,

быстро приведший страну к краху. "Которого хочет наказать - лишает разума".

В заключение - несколько слов об источниках. Это приказы и циркуляры командующих и начальников штабов фронтов, армий, военных округов, главковерха. Это телеграммы и переписка с гражданскими и жандармскими чинами о проведении депортации и высылки отдельных лиц, это доносы, служившие основанием для ссылки, и прошения о смягчении участи и амнистии из фондов Северного, Северо-Западного и Юго-Западного фронтов и Двинского, Киевского и Казанского военных округов 1914 - 1917 гг., хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. РГВИА. Ф.1932. Оп.1. Д.67. Л. 1 - 2 об.
2. Там же. Оп.12. Д.78. Л. 326 - 327 об.
3. Там же. Оп.1. Д.67. Л. 3 об - 4.
4. Там же. Л. 3, 4 об., 11.
5. Там же. Л. 27, 43.
6. Ф.1759. Оп.4. Д.1673. Л. 37; Д.1709. Л. 15, 122.
7. Ф.1932. Оп.1. Д.67. Л. 54, 57, 65 и об.
8. Ф.1759. Оп.4. Д.1673. Л. 158.
9. Там же. Л. 273 и об.
10. Там же. Л. 612 и об.
11. Там же. Л. 361 и об.
12. То же. Д.1709. Л. 42, 117; Д.1816. Л. 98 - 101 об.
13. Ф.1932. Оп.2. Д.97. Л. 52 - 56.

14. Там же. Л 65 - 66.
15. Там же. Оп. 12. Д. 71. Л 1 - 6.
16. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1673. Л 798 и об.
17. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 225. Л 1, 13.
18. Там же. Л 32.
19. Там же. Л 23, 118 об., 184, 567.
20. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 64. Л 534 - 536.
21. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1673. Л 146 и об., 151 и об.
22. Там же. Д. 1709. Л 129, 133 - 134.
23. Ф. 1932. Оп. 1. Д. 67. Л 65 и об.
24. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1707. Л 36 - 37, 45, 139 - 142.
25. Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 109. Л 7.
26. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1709. Л 50 - 53; Ф. 1932. Оп. 2. Д. 107. Л 150 - 152; Ф. 2031. Оп. 4с. Д. 341. Л 5.
27. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1716. Л 15 - 17.
28. Ф. 2118. Оп. 3. Д. 9. Л 28.
29. Ф. 1932. Оп. 2. Д. 107. Л 278 - 286; Оп. 12. Д. 69. Л 462, 464.
30. Там же. Д. 64. Л 12 - 15, 17.
31. Там же. Л 237 - 238.
32. Там же. Д. 106. Л 347 и об.
33. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1816. Л 50 и об., 52 - 53.
34. Ф. 1720. Оп. 3. Д. 211. Л 2 - 4.
35. Ф. 1932. Оп. 12. Д. 81. Л 975 - 977 об.
36. Ф. 1759. Оп. 4. Д. 1816. Л 64 - 65.

А. ХОХЛОВ

Д. Г. ЯНЧЕВЕЦКИЙ: В АВСТРИЙСКОМ ПЛЕНУ

Самые тяжелые испытания в ходе первой мировой войны (1914 - 1918) выпали на долю России, заявившей о своей солидарности с славянскими народами, которые стали объектом агрессивных действий со стороны Австро-Венгрии и Германии. Среди защитников Отечества оказались и представители российской интеллигенции, в т. ч. ученые-востоковеды, которым нередко приходилось принимать на себя выполнение непривычных обязанностей, диктуемых военным временем. Многие из них война застала за пределами России - на службе в заграничных учреждениях (консульствах и торговых фирмах), научных и иных командировках.

Китаист Дмитрий Григорьевич Янчевецкий (1873 - 1943), которого вполне можно отнести к представителям практического востоковедения, встретил начало войны в Вене, где с 1911 г. выполнял обязанности специального корреспондента газеты "Новое время", выходившей в Петербурге [1]. Занимаясь по долгу своей журналистской службы проблемами политики Австрии и России в отношении Галиции, он выступал за сближение галичан

с Россией, при этом поддерживал непосредственные контакты с общественными деятелями Галиции, в т.ч. депутатами сейма, отстаивавшими права коренного, славянского, населения перед лицом австрийского Императорского правительства, пытавшегося с помощью дискриминационных мер окончательно установить здесь свой безраздельный контроль. Контакты россиянина-журналиста с представителями галицийской оппозиции не остались незамеченными военными властями Австро-Венгрии, поэтому в первый же день войны венская полиция арестовала Д.Г.Янчевецкого, смело подписывавшего своим именем отсылаемые в Петербург корреспонденции в защиту прав галичан, видевших свое национальное возрождение на путях установления прочных связей с населением соседней Российской Империи.

Согласно архивным данным, Дмитрий Григорьевич Янчевецкий родился 4 мая 1873 г. в городе Ревеле в семье директора местной гимназии, занимавшегося в часы досуга переводами произведений древнегреческих авторов (среди которых наиболее ценны переводы трудов Павсания, Ксенофонта и др.). После окончания гимназии с золотой медалью в 1891 г., Д.Г.Янчевецкий поступил в Петербургский Университет, где слушал лекции по востоковедению и юриспруденции. Будучи студентом китайско-маньчжурского разряда факультета восточных языков, он написал сочинение на тему: "Царствование ханьского Императора Уди", за которое решением Совета Университета от 31 января 1894 г. был удостоен золотой медали. Из-за нехватки средств для уплаты за обучение он оставил Университет до окончания полного курса, проучившись в его стенах по осень 1897 г. После передачи Китаем Порт-Артура в аренду России, Д.Г.Янчевецкий в начале 1899 г. добровольно отправился на Дальний

Восток военнотружашим в составе партии новобранцев, направленных в Порт-Артур из Одессы [2]. По прибытии на место его назначили переводчиком китайского языка при гражданской администрации Квантунского района, преобразованного впоследствии в наместничество, которое возглавил вице-адмирал Е. И. Алексеев.

Будучи уволен в запас в октябре 1899 г., Д. Г. Янчевецкий стал преподавать русский язык в русско-китайской школе, открытой в Порт-Артуре [3]. Одновременно он занимался журналистской работой в редакции газеты "Новый край", начавшей выходить в Порт-Артуре с 1-го января 1900 г. Здесь его застали тревожные вести о наступлении на Пекин повстанцев - ихэтуаней, которые, войдя в китайскую столицу, в мае 1900 г. осадили посольский квартал, где размещались дипломатические представительства иностранных государств, в том числе России. Когда почти все суда русской эскадры ушли из Порт-Артура в район Тяньцзиня, где в это время уже находились войска иностранных государств, Е. И. Алексеев, присутствовавший 21-го мая на выпускном экзамене в русско-китайской школе, предложил Д. Г. Янчевецкому отправиться в район будущих военных действий в качестве корреспондента "Нового края" [4]. На следующий день, в 6 час. утра, начинающий журналист на минном крейсере "Гайдамак" отправился в путь и через несколько дней оказался в эпицентре ожесточенных боев с китайскими регулярными войсками, выступившими на стороне повстанцев-ихэтуаней. В одном из этих боев, в районе г. Тяньцзиня, Д. Г. Янчевецкий был тяжело ранен осколками гранаты, из которых один угодила ему в грудь, в область сердца. Лишь благодаря тому, что осколок попал в пряжку от подтяжек, Янчевецкий избежал верной смерти.

Другой осколок, попавший в ступню, удалось извлечь во французском госпитале. Две его корреспонденции, сообщавшие о ходе военных событий с 29 мая по 3 июня 1900 г., пропали в дороге, не дойдя до адресата [5].

После овладения союзными войсками Пекином, Д. Г. Янчевецкий, проявивший личный героизм при штурме китайской столицы, направился на новый театр военных действий - в южную часть Маньчжурии, где при покровительстве местных властей заметно активизировались не только китайские регулярные части и ихэтуани, но и разбойники-хунхуцзы ("рыжебородые"). Здесь российскому журналисту вновь пришлось понюхать пороху в том же качестве корреспондента "Нового края". На основе собранных материалов и личных впечатлений, отложившихся в ходе кампании против ихэтуаней, особенно в районе Тяньцзиня - Пекина, Д. Г. Янчевецкий написал книгу "У стен недвижимого Китая", выдержавшую в течение двух лет четыре издания [6]. За экземпляр этой книги, поднесенный Николаю II, автор удостоился дорогого подарка - золотого портсигара - в знак признания его личного мужества в период драматических событий 1900 г. в Китае [7].

После возвращения в Петербург Д. Г. Янчевецкий в декабре 1902 г. подал прошение о своем желании поступить на службу младшим чиновником особых поручений при канцелярии Приамурского генерал-губернатора, однако руководство Приамурского края, возглавлявшееся тогда генералом Н. П. Линевичем, сочло более необходимым назначить его (с апреля 1903 г.) редактором "Приамурских ведомостей" [8]. Когда же вспыхнула русско-японская война 1904 - 1905 гг., энергичная фигура Д. Г. Янчевецкого вновь появилась в самой гуще событий, разворачивавшихся на полях Маньчжурии [9]. Главнокомандующий русскими войсками

А. Н. Куропаткин не нашел ничего более подходящего, как поручить ему редактирование "Вестника Маньчжурской армии", с чем он блестяще справился.

После окончания русско-японской войны Д. Г. Янчевецкий, дважды удостоенный Георгиевского креста, в течение ряда лет работал в качестве корреспондента "Нового времени" - сначала в Персии, а затем в Австрии, где его застала первая мировая война.

Остро политические статьи Д. Г. Янчевецкого, содержавшие критические суждения по поводу действий правительственных чиновников Австро-Венгрии и Германии, не могли не вызвать настороженности у венских властей, решивших изолировать, а точнее, обезвредить смелого журналиста при первом же удобном случае. Объявление Австрией войны маленькой Сербии послужило для венской полиции более чем "подходящим" предлогом для ареста корреспондента известной за пределами России газеты, не раз выступавшей в поддержку славянских народов в их борьбе за свободу, равные права и социальную справедливость. О том, как был совершен этот незаконный акт, совпавший с началом первой мировой войны, рассказывал в своих воспоминаниях сам Д. Г. Янчевецкий через два с половиной года - после возвращения на Родину из австрийского плена. Некоторое представление о деталях, характеризующих образ действий австрийской полиции в столь памятный для него день, дает, на наш взгляд, следующий пассаж из его мемуаров:

"19 июля (1 августа) 1914 г., в первый день всеобщей мобилизации австрийской армии против России и Сербии, в 2 1/2 часа дня в мою квартиру в Вене явилось 8 молодых и крепких мужчин в пиджаках с крайне взволнованными лицами...

Был жаркий июльский день, и мои неожиданные гости... старательно рывшиеся во всех столах, ящиках и шкафах, обливались потом и ежеминутно бегали на кухню пить холодную воду.

Все их тревожные опасения окончательно рассеялись, когда они нашли, наконец, мое единственное оружие - револьвер в одном ящике, а патроны к нему - в другом. Этот беспорядок, столь пагубный на поле брани, оказался мне на пользу, т.к. только подтвердил мое совершенно мирное настроение.

В 5 час. дня обыск был окончен; все бумаги, рукописи и несколько книг и карт, почему-то показавшихся подозрительными... - все было погружено в чемодан, и мне предложено следовать в дирекцию полиции.

В пять с половиной часов вечера я прибыл в дирекцию полиции и был сейчас же принят... В кабинете комиссара я встретил несколько высших чинов полиции... На лицах присутствующих было написано сияние; нескрываемые и смешанные чувства любопытства и торжества и сознание важности исполненного долга: тайный агент российского правительства, явный друг военных агентов (атташе. - А. Х.) в Вене и корреспондент влиятельной русской газеты, наконец, арестован! Ему не удалось ускользнуть от зорких глаз первой классной венской полиции.

Мое собеседование с полицейским комиссаром продолжалось с перерывами очень долго: часа 2 - 3. Комиссар сделал следующее вступление, с некоторою грустью и даже сочувствием в голосе: 'Вы арестованы по подозрению в шпионаже. В руках полиции имеются весьма важные улики против вас. Если вы теперь же расскажете мне все подробности вашей шпионской деятельности..., то этим вы в значительной степени смягчите и улучшите ваше собственное положение'... [10]

В своих ответах полицейскому начальнику Д. Г. Янчевецкий стремился доказать абсурдность предъявленного ему обвинения. Он указал, в частности, на то, что занимался в Вене "обыкновенной работой обыкновенного журналиста", что его "деятельность была открытая, гласная, публичная". "Вы посмотрите все мои захваченные [вами] материалы, - предлагал он полицейскому комиссару, - и в них вы не найдете никаких следов, указывающих на то, чтобы я занимался тайным шпионажем" [11].

Надежда на скорое освобождение, подкрепляемая чувством непричастности к шпионажу, еще более усилилась у Д. Г. Янчевецкого после первого свидания с женой - на второй день после необоснованного ареста; ей удалось через знакомых сообщить в российское посольство о случившемся. "Я был убежден, - писал он впоследствии, - что вечером уже буду у себя в моей маленькой, уютной квартирке, за русским самоваром, и буду пить чай, налитый заботливой рукой жены" [12]. Однако при первой же попытке получить новое свидание с супругой ему было заявлено о передаче его дела в ведение военных властей, и ему пришлось провести первую ночь на тюремном тюфяке голодным и подавленным, терзаемым неизвестностью, тоской и сознанием собственного бессилия. Позднее свое личное отношение к случившемуся он выразил образным сравнением начавшейся войны с огромным все пожирающим и уничтожающим удавом. "Великий удав войны, - констатировал он, - не торопясь, расправлял свои беспощадные оковы, тихо подбираясь к своим жертвам; одних он пожирал тысячами в пламени и дыме сражений, а других он морил и давил в тиши и уныньи железобетонных клеток" [13].

Некоторое облегчение Д. Г. Янчевецкий почувствовал на следующий день, когда, проснувшись позднее, чем обычно, уви-

дел возле себя бледного, изможденного человека, который после краткой с ним беседы, начавшейся на немецком языке и перешедшей на русский, оказался российским подданным - евреем из Одессы. Его также арестовали в Вене по подозрению в шпионаже. Вскоре журналист узнал, что многие из россиян, проживавших в австрийской столице до войны, как и он, стали жертвами шпионмании австрийских властей.

Ровно год - с 21 августа 1914 г. по 22 августа 1915 г. - Д. Г. Янчевецкий провел в так называемой "Чортовой башне" военной тюрьмы. Ее описание он дал в одной из статей, написанных после возвращения на родину из австрийского плена. Упомянув о толстой входной двери "Чортовой башни", с двумя засовами и крепким замком, Д. Г. Янчевецкий следующим образом передает свои впечатления от первого знакомства с этим специальным отделением военной тюрьмы:

"Я оказался на дне высокого 5-ти этажного колодца, обтянутого непрерывной проволочной сетью, снизу и до стеклянной крыши. Вокруг сетки в 5-ть ярусов шли полукругом камеры для одиночных заключенных. В каждом ярусе было по 10 камер - итого 50 камер... Одна камера в первом этаже служила канцелярией для надзирателя: здесь были разложены цепи на руки, оковы на ноги и смирительные рубашки... Последняя камера в каждом ярусе называлась 'темным карцером с твердым ложем': здесь была полная темнота и деревянные нары без соломенного тюфяка" [14].

В период тюремного заключения Д. Г. Янчевецкому довелось познакомиться с людьми разных профессий и взглядов, оказавшимися за решеткой лишь по подозрению в политической неблагонадежности. О их политических взглядах можно судить, например,

по нижеследующему отрывку из воспоминаний русского журналиста:

"Когда я вернулся, т.е. вернее был 'отведен' обратно часовым в палату '242', там было тоже около десятка новых посетителей, только что доставленных в гарнизонный арест[ный дом] и с жаром споривших... о России... К моему величайшему изумлению защитниками России оказались 2 еврея, один одессит, а другой австрийский еврей...

Одессит рассказывал: 'Это совершенно неверно, будто русское правительство занимается только террором, а полиция живет взятками'...

Еще пламеннее защищал Россию австрийский еврей Гроссман, никогда не бывавший в России и знавший Россию только по учебным книгам и русским писателям.

- Я толстовец! - заявил он во всеуслышание. - Последователь великого русского писателя и философа Толстого... Ни один народ в Европе и на целом свете не способен осуществить великие принципы всенародного и международного братства, как именно русский народ... Европа стара, ветха и живет по трафарету. В социальном отношении Европа уже отжила свой век и ничего нового не скажет и не создаст. А Россия поразит мир своими будущими социальными реформами, своим будущим общественным строем... Все государственное устройство в якобы демократических странах в Европе и Америке основано, в сущности, на обмане... Русский народ - ...народ великих замыслов, огромных предприятий и смелых решений... Народ, который создаст самую свободную, самую демократичную и самую счастливую страну на свете" [15].

Гроссман рассказал Д. Г. Янчевецкому, как он за пропо-

ведь своих толстовских и кропоткинских идей был последовательно арестован и заключен в тюрьму в Соединенных Штатах, Англии, Германии и Австрии. По наблюдениям русского журналиста, тюрьма "еще более закалила его душу и укрепила в идеях любви и братства народов".

В тюрьме Д. Г. Янчевецкий встретился и со своими давними знакомыми - депутатами галицийского сейма. Вопреки закону о депутатской неприкосновенности, они были арестованы, жестоко избиты и посажены за решетку. Решением австрийского военного суда их вместе с российским журналистом приговорили к смертной казни.

2 января 1916 г. Д. Г. Янчевецкий и его товарищи по тюремному заключению ожидали исполнения смертного приговора, но накануне посол Испании в Вене де-Кастро потребовал немедленной аудиенции у Императора Франца-Иосифа. Благодаря настойчивым просьбам испанского дипломата о помиловании, подкрепленным личными письмами Августейших особ Испании - Короля Альфонса и его матери Марии-Кристины (состоявшей в близком родстве с австрийским Императором), смертный приговор был заменен пожизненной каторгой.

Более полугода Д. Г. Янчевецкому пришлось провести каторжником в другой средневековой тюрьме - в Старой Градиске на границе Боснии. Только тогда начались русско-австрийские переговоры относительно обмена Д. Г. Янчевецкого и арестованной его супруги на австрийцев, оказавшихся в русском плену. Первый кандидат, названный российской стороной для обмена, - вице-адмирал Маулер, скончался незадолго до наступления срока. Это повело к новому раунду переговоров и потере времени по отбору и согласованию кандидатур, намечаемых к обмену. Нако-

нец, после длительной переписки австрийская сторона удовлетворилась названной ей парой, и Янчевецкие - муж и жена - смогли отправиться на родину.

22 января (4 февраля) 1917 г. Янчевецкие прибыли в Петроград. На Финляндском вокзале их встретили близкие родственники и друзья, в т. ч. сотрудники редакции "Нового времени". Автор заметки, появившейся на следующий день в этой газете, касаясь приезда австрийских пленников в российскую столицу, в частности, отметил: "Тридцать месяцев тяжелой неволи сильно отозвались на Д. Г. Янчевецком и его супруге. Д. Г. Янчевецкий сильно поседел, осунулся и на его лбу легли глубокие морщины" [16]. Жену Янчевецкого, урожденную Огневу, родную правнучку А. В. Суворова, ожидали дома грустные вести: один из ее братьев геройски погиб под Перемышлем, а другой - оказался в лазарете. Мать же ее скончалась от горя и печали, не дождавшись обнадеживающей весточки о судьбе дочери.

В серии статей, опубликованных после возвращения на родину, а чаще в устных выступлениях перед представителями российской общественности, Д. Г. Янчевецкий подробно рассказал о своем пребывании в австрийском плену. Он упомянул и о жестоком обращении австрийских властей с лицами, попавшими в силу разных обстоятельств в их тюрьмы и лагеря для военнопленных, однако известный журналист нашел возможным говорить о разном отношении разных австрийцев, в т. ч. официальных лиц, к пленникам-россиянам, - более или менее жестоком, более или менее оскорбительном для чести россиян.

Факты, приведенные в воспоминаниях Д. Г. Янчевецкого, в значительной степени могут дополнить русские газеты того времени, которые содержат немало свидетельств очевидцев, прошед-

ших сквозь адские муки заграничного плена [17].

О фактах жестокого обращения с россиянами-военнопленными в австрийских и немецких лагерях в период первой мировой войны сообщали и многие иностранцы. Так, санитар-француз Габриэль Дижон, находившийся около года во вражеском плену, в частности, отмечал, что русских часто избивали и что у многих из них он видел "штыковые раны, нанесенные стражей лагеря" [18].

Мужественное поведение Д. Г. Янчевецкого перед австрийскими властями, устроившими чудовищное судилище над людьми за их сочувственное отношение к идеям славянства, было по достоинству оценено россиянами, в том числе его коллегами. Известный журналист С. Н. Сыромятников, выступая на обеде в честь Д. Г. Янчевецкого, при указании его заслуг и достоинств особенно подчеркнул его готовность выполнить свой профессиональный долг "в любой момент и в любом, хотя бы крайне опасном месте" [19]. Как бы в развитие этой мысли о важной роли журналистики в жизни общества, С. Н. Сыромятников в статье "Исследование действительности", в частности, указал на важность вклада журналистов-международников в дело дружбы и взаимопонимание между различными народами [20].

Преимущественно в этом направлении всегда работала творческая мысль журналиста-востоковеда Д. Г. Янчевецкого, прошедшего нелегкий жизненный путь. В период первой мировой войны ему пришлось превозмочь очередное испытание - жестокие муки насильственной изоляции от внешнего мира, вдали от родного дома.

Судьбе угодно было распорядиться так, что более известным и популярным в Советской России стал младший брат

Д. Г. Янчевецкого - Василий Григорьевич (1875 - 1954), принявший литературный псевдоним "В. Ян" задолго до драматических событий Октября 1917 г. [21]. Подобно В. В. и А. В. Верещагиным, братья Янчевецкие, активно занимаясь журналистикой, были связаны интересной духовной жизнью. Собранные в многочисленных поездках и путешествиях материалы, дополненные личными впечатлениями, помогли Дмитрию Григорьевичу, помимо упомянутых выше книг, издать ряд переводов и интересных репортажей о жизни и культуре стран Востока и Запада, а его младшему брату - написать, помимо прочих литературных произведений, три замечательных исторических романа: "Чингис-хан" (1939), "Батый" (1942) и "К последнему морю" (1955). Приходится, однако, сожалеть, что в советское время имя журналиста-китаиста Д. Г. Янчевецкого было почти забыто, хотя многие востоковеды пользовались и продолжают пользоваться написанными им по горячим следам событий книгами, которые поражают и сейчас тонкими наблюдениями над политической и духовной жизнью народов Востока в сравнительно недавнем прошлом.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Д. Г. Янчевецкий. Галицкие письма. На русско-австрийской границе. - "Новое время", No. 12715 (6/19 августа 1911 г.), с. 3 - 4.
2. ЦГА ДВ (Томск), ф. 702, оп. 1, д. 2351, л. 5 - 6.
3. Там же, л. 34.
4. Н. Кравченко. К возвращению Д. Г. Янчевецкого. - "Но-

вое время", No. 14687 (24 января / 6 февраля 1917 г.).

Б. "Приамурские ведомости", No. 340 (2 июля 1900 г.), л. 9; Д. Г. Янчевецкий. У стен недвижимого Китая. 4-е изд., СПб. - Порт-Артур, 1903, с. 128 - 129.

Б. Эпиграфом книги стало стихотворение А. С. Пушкина (1831 г.). До издания книги Д. Г. Янчевецкому удалось поместить ряд материалов о событиях 1900 г. в Китае в газете "Новый край". См.: Дим. Янчевецкий. Год назад. Из недавних воспоминаний. - "Новый край", No. No. 81 (15 июля 1901 г.), 83 - 88 (20 июля - 1 августа), 90 (5 августа); Дм. Янчевецкий. Тяньцзиньское временное правительство. - "Новый край", No. No. 93 (12 августа 1901 г.), 96 (19 августа), и др.

7. ЦГА ДВ (Томск), ф. 702, оп. 1, д. 2351, л. 20; "Новый край", No. 27 (5 марта 1903 г.), с. 2.

8. ЦГА ДВ (Томск), ф. 702, оп. 1, д. 2351, л. 20, 31; "Новый край", No. 47 (27 апреля 1903 г.), с. 4.

9. Прикомандированный к штабу маньчжурской армии Д. Г. Янчевецкий 4 февраля 1904 г. выехал из Хабаровска и 19 февраля оказался в Порт-Артуре. См.: "Харбинский вестник", No. 124 (13 февраля 1904 г.), с. 2; No. 142 (5 марта 1904 г.), с. 2.

10. Дм. Янчевецкий. Записки австрийского каторжника. - "Новое время", No. 14695 (1/14 февраля 1917 г.), с. 5.

11. Там же.

12. "Новое время", No. 14702 (8/21 февраля 1917 г.), с. 5.

13. Там же.

14. "Новое время", No. 14712 (19 февраля / 4 марта 1917 г.), с. 6.

15. "Новое время", No. 14705 (11/24 февраля 1917 г.), с. 6.
16. "Новое время", No. 14686 (23 января / 5 февраля 1917 г.), с. 4.
17. См., напр.: "Дальний Восток", No. 154 (29 июня 1917 г.), с. 3.
18. "Новое время", No. 14684 (21 января / 3 февраля 1917 г.), с. 4.
19. "Новое время", No. 14696 (2/15 февраля 1917 г.), с. 5.
20. См.: "Новое время", No. 14691 (28 января / 10 февраля 1917 г.), с. 6.
21. Д. Г. Янчевецкий стремился привить брату интерес к странам Востока, видя "будущее России в Азии" в усвоении духовных ценностей восточных народов. Так, он предлагал В. Г. Янчевецкому воспользоваться его рекомендацией для поступления на службу при канцелярии начальника Закаспийской области. Не исключено, что близкое родство с Д. Г. Янчевецким (известным в журналистских кругах человеком) помогло Василию Григорьевичу войти в круг его знакомых - журналистов, о чем говорят, например, публикации последнего в газете "Новое время".

СО Д Е Р Ж А Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
<i>Е. Воронин</i>	
РУССКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: НАЧАЛО И ИТОГИ	6
<i>К. Слюнченко</i>	
34-ый ПЕХОТНЫЙ СЕВСКИЙ, 35-ый ПЕХОТНЫЙ БРЯНСКИЙ И 12-ый ДРАГУНСКИЙ СТАРОДУБОВСКИЙ ПОЛКИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ (<i>Тезисы сообщения</i>)	13
<i>Б. Татаров</i>	
ЧЕХО-СЛОВАККИЕ ВОИНСКИЕ ФОРМИРОВАНИЯ В СОСТАВЕ РУССКОЙ АРМИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (<i>Тезисы сообщения</i>)	19
<i>С. Прищепа</i>	
ЗЕНИТНАЯ АРТИЛЛЕРИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	23
<i>В. Дуров</i>	
ГЕОРГИЕВСКАЯ МЕДАЛЬ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	31
<i>С. Липатов</i>	
РУССКАЯ И ГЕРМАНСКАЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	40
<i>С. Нелипович</i>	
В ПОИСКАХ "ВНУТРЕННЕГО ВРАГА": ДЕПОРТАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ (1914 - 1917)	51
<i>А. Хохлов</i>	
Д. Г. ЯНЧЕВЕЦКИЙ: В АВСТРИЙСКОМ ПЛЕНУ	65

